

РУССКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ТОЛСТОВСКОГО
ФОНДА

Russische
Bibliothek
Veranstaltungen
Sozialberatung

Бюллетень № 149
Июнь 2011

Bulletin № 149
Juni 2011

Das Bulletin wird seit 1975 herausgegeben.
Es erscheint vierteljährlich.
Der Herausgeber ist:

Бюллетень выходит с 1975 г.
Его издает четыре раза в год:

Tolstoi-Bibliothek
Thierschstr. 11
D-80538 München
Tel.: 089/299 775
Fax: 089/2289312

tolstoi@tolstoi-bibliothek.de
www.tolstoi-bibliothek.de

Redaktion und Verantwortung für den Inhalt:
Татјана Ершов

Главный редактор:
Татьяна Ершова

Игорь Смирнов-Охтин**И в Стамбуле, и в Константинополе...
(лоскутные наблюдения)****1. Восток – Запад**

Мои наблюдения, как и наблюдения знаменитого поэта, вынесенные им из тех же городских пределов, так же страдают от личны х кач е с т в н а б л ю д а т е л я . Предваряя чьё-то возмущение от сотворённой (по отношению к Поэту) дерзости, напомним, что именно с подобного признания Поэт и начал известное эссе.

А первый «лоскут», его название, возможно, напомним о полемике в русской общественной мысли более полутора вековой давности.

Мировоззрения «славянофилов» и «западников» формировались или Православием, или отсутствием (малым *присутствием*) религиозного чувства в душах на Запад смотрящих. Но тогда, лет через двадцать, спор поутих, а вот в наше время его раскаты, приглушенные, правда, повсеместным равнодушием (как говорят, *пофигизмом*), нет-нет, да и вновь слышны.

Не удивительно.

Прозападная ориентация господ Герцена-Огарёва-Грановского и иже с ними, истомившихся в «николаевской казарме», была характерна и для нас – советской интеллигенции, так же утомлённой казарменной жизнью. При большевиках мы все с умилением смотрели на вожделенный Запад, и понятие «демократия» ещё четверть века назад мною, как и Поэтом, воспринималось с клеймом «высокое качество», как племенная высокопродуктивная корова с тавро на боку. Ныне, уже многие усматривают в таком понятии великое лукавство, и хотя признают демократические институты за реальность, но утверждают, что на территориях с кодовым названием «Западная демократия» правит всё же не ГЛАС НАРОДА, – правит бал... сатана? – правит бал капитал. И если восточного тирана, говорят они, в случае чего ещё можно попытаться умиловить, и такая надежда, подкреплённая историей, всегда живёт, то господин капитал подобный люфт сюжетам не оставляет.

В те годы, когда раздетый до пояса Поэт в гостинице «Ликабетт» в Афинах, обливаясь потом и непрерывно вливая в себя кока-колу, дописывал своё эссе, в те «*четверть века назад*» годы мои *личные качества* были таковы, что прочитай тогда его сочинение, внятных возражений на кое-что смутившее меня (на несколько «*кое-что*») сделать бы не смог. Например, о том, что причина христианизации Византии была в амбиции власти, и победа христианства на Востоке оказалась победой Пирровой, потому что её качество заставило Западную Церковь отложиться от Восточной, а «Рим географический от Рима умышленного» – прочтя тогда эту фразу, от «умышленного Рима» поёжился бы. А и зря! Потому что и впрямь, Второй Рим был умышленным – сотворён по человеческому умыслу. Только не сказал Поэт, что умысел этот направлялся Промыслом. – А знал ли?

Но гений – во всём гений. И при всех своих симпатиях к западным формациям Поэт, хотя и мимоходом, сообщает о существенном изъяне в этико-политической системе Запада: «Недостатком системы выработавшейся в Риме, недостатком Западного Христианства явилось невольное ограничение представлений о Зле». И следствие такого изъяна Поэт усматривает в неспособности адекватной реакции Запада на *многое-всякое* Западу неприятное. Воистину! Любые представления о чём бы то ни было жиждятся на опыте. Знатоки утверждают, что опытом Зла для Западного Христианства оказался опыт, нашедший отражение в Римском Праве (принимаемого в Риме более всерьёз, нежели в Византии), с добавлением опыта преследования христиан до воцарения Константина. И эта комбинация, и собственная логика внутреннего развития Римской Церкви действительно определилась в этико-политическую систему, лежащую в основе так называемой западной концепции государственного и индивидуального бытия. – Только это *«лежащее в основе»* «знатоки» могли бы обозначить и попроче: *лежащее в основе западного эгоизма*.

Я отправился в Стамбул не за ответами на вопросы. Я их не имел. Как не имеет их всякий новорожденный. Мои вопросы были лишь предчувствием.

Отправился в главный турецкий город.

Отправился к туркам.

2. Турки.

Турки?

Кофе по-турецки. Кальяны. Шальвары – то бишь, шаровары. Свирепые янычары, которые вовсе не турки, никогда не турки, и почему-то никогда не евреи, а исключительно сербы, болгары, армяне, грузины и русские, и, конечно же, самые родные наши братья – братья украинцы. Султаны и тюрбаны, и шапочки с кисточками – фески. Великая Порта.

Они нападали, но в русском сердце неприязнь не посеяли. В народном сердце неприязнь к немчуре, а не к туркам. Турка напала, а не побеждала и города наши не рушила, а мы освобождали от неё Болгарию, помогали армянам и брали Измаил. И к французам нет неприязни. К французам – симпатия. К японцам неприязни нет, но теплится настороженность. К китайцам тоже настороженность, но с душевной теплотой. А к туркам – некая снисходительность, дескать, знаем, били турку, или ещё так: «турка – она и есть турка».

То, что Стамбул – город турецкий, знают все. То, что турки захватили Константинополь, разграбили, разрушили, сожгли, знают *образованные*, и то, что Стамбул и Константинополь – один и тот же город, кроме *образованных* знают ещё не слишком молодые люди, потому что в молодости танцевали, бесились под звуки заводного шлягера «Стамбул», где были слова: «...и не в Стамбуле, и не в Константинополе-то два стилиаги по Невскому топали-то...».

О Византийской империи слышаны. Но много ли даже из числа *образованных* (это про *наших*) скажет, когда «образование» образовалось и когда рассыпалось? И ответственность за невежество надо возложить на компашку и без того за *всякое* недоброй памятью пригруженную...

Почему *компашка* боролась с Богом и церкви рушила – ясно-понятно. Но чем византология не угодила? Почему её знатоки *поперёк* получились? За что уничтожали и в Гулаг отправляли? Какая-то тайна! Неясность. Нечто, требующее распознавания.

Вождь всех народов и нынешних, и бывших, и, конечно, будущих – Иосиф Сталин – в 1943 году, в разгар войны, приказал византологов из моря Гулага выуживать, высушивать, на места прежней работы сажать, продуктовыми карточками обеспечивать. Зачем? Прагматики объясняют *такое* планами Джугашвили относительно послевоенной Европы. То есть, идеологическое обеспечение своего аппетита решил подпереть историей Византии. – Как говорится: *«мобыть»*. Более того: наверняка. Только что-то это... сосёт, что это – не всё.

То есть, что-то у дорогого Сосо имелось, что заставило ТАК. Так повернуть. И кто знает, не было ли это «второе» по настоящему главным, а всякая прагматика – лишь пудра для мозгов своих пацанов-Кагановичей.

3. Чужая планета

Кому приходилось оказаться на чужой планете? Нет, не на Луне, – какая же она чужая! А на какой-нибудь такой... далёкой и обязательно заселённой? А ты – без «разговорника» и путеводителя?

Разговорник имел, путеводитель имел, имел адрес предстоящего ночлега, транспортную схему-шпаргалку до трамвайной остановки, на которой следовало выбраться с тридцатью килограммами барахла, потому что в Стамбул пожаловал неисправимый барахольщик. Выбраться, поозираться и, поняв, что без человеческой помощи не обойтись, обратить на себя внимание турецкого мужчины (именно, мужчины – ты же на Востоке, не приставай к их женщинам!), и мужчину следовало выбрать не из тех, которые куда-то шагают или стоят и ругаются (или это их мирное воркование?), а из тех, которые задумчиво смотрят в своё турецкое небо, размышляя, куда бы пойти и с кем побазарить. К такому вот и подваливай, и произноси единственно известное тебе «салям алейкум», и с лёгким поклоном прижимай правую руку к сердцу. – Для турецкой души, исстрадавшейся от европейской заносчивости, столь учтивый жест, вовсе не обязательный для уличной мимолётности, окажется мармеладом и турецкий мужчина начнёт изучать адрес, который ты на клочке бумаги сунул ему под нос, и будет шевелить губами (которые у него, как и у нас – заносчивых европейцев, также под носом), проговаривая название улицы, и ты поймёшь, что он не знает, где такая улица.

То, что жители турецкого квартала не знают названий улиц своего квартала, обнаружилось почти сразу и стало загадкой в череде прочих загадок, которые загадывала тебе незнакомая планета.

4. Кроме загадок...

Кроме загадок случались неожиданности.

Стамбул сегодня – город-океан. Мегаполис. По гречески – грандиозный город. Цифровые значения всякой «грандиозности» – в справочной литературе. – Не для Стамбула. Зафиксированное число его жителей – фикция даже на момент фиксации. Горожане говорят: приблизительно 17 миллионов. А ещё недавно было 10 миллионов.

Из сельской Анатолии текут бурные реки. На одну рабочую вакансию приплывают пять человек: кормилец-муж, жена, двое детей, бабка или дедка. Конечно, все столицы всасывают. Но Стамбул – экономическая столица, наподобие Нового заокеанского Йорика – как будто желает всосать всю свою

деревню, оставив Европу без помидоров и свежего укропа. Впрочем, такая демографическая перетряска сходна с нынешней Россией. Только в чём Промысел?

Вернёмся к городу-океану-городу.

Когда глядишь в стеклянно-круглое (в аэроплане оно с каким-то названием), и вдруг возникает... Разве про *это* чудище скажешь «город»? У всех городов границы! А тут возникает нечто бескрайнее, уходящее за горизонты – видимые и мыслимые. Это и есть ОН. И, конечно, не ожидал! По сравнению с НИМ европейские москва-париж-столицы – компактные городишки. Ещё по тому ОН столь обширен, что – мелководен. Его глубина – три-четыре этажа.

5. «Ах!»

Всякие улицы *о д н о м е р н ы*. Одномерны, как маршрут червяка или эндоскопа, проталкиваемого в твои кишки.

Так же одномерны городские пейзажи вдоль рек. А двумерны городские площади. А трехмерны – лишь особо шикарные из них.

Исключительности.

Всякая исключительность – всегда «Ах!». Со временем «ахи» растворяются, растворяются *как-то*, в *чём-то*, в связи с *чем-то*. Но какие-то «ахи» живут долго.

Когда я взошёл на мост Галаха – взошёл, вступил, сколько-то прошёл, – родилось «Ах!». Для понимания эмоции сообщу, что в том месте, где оказался, в этой географической точке сливались воды Босфора, Мраморного моря и бухты Золотой Рог. Вроде бы, ну и что?

Но получилось мне враз увидеть и берег моря Мраморного, и берег турецкий, то есть, азиатский, и оба берега Золотого-рога европейских, то есть – опять же, турецких. А к урезу воды с береговых холмов как вулканическая лава сползал, залитый ярким солнцем, город, трёхмерный город, и впрямь похожий на раскалённую пенную лаву. И как на лице девственника, украшенном прыщами, то тут, то там, и вполне равномерно вспучивались купола мечетей.

6. Купола.

В том, что стамбульские мечети – почти все – повторяют архитектурный образ Святой Софии, какая-то тайна!..

Побывавший в Стамбуле за четверть века до меня, Поэт отмёл подозрение в эстетической тупости их создателей. Правда, не очень-то категорично. Сослался на свою руку, которая не поднималась для начертания обвинения. То есть, надо понимать, *желание* было, но перехватила его догадка, что очевидные восточные гены Святой Софии столь пришлись к сердцу молоденького Мехмеда II, что он придал храму статус архитектурного эталона.

Но что-то тут не так.

Действительно, Святая София – сооружение не римское и отрицать влияние Сасанидов на ранневизантийскую культуру нелепо. Молодости свойственно вбирать *разнообразное* для дальнейшей фильтрации. И молодая столица на краю Великого Востока не была исключением. Так что, не удивительно. Хотя и строили Святую Софию два грека. Но вот в чём затыка.

Последняя мечеть наподобие «Софии» построена турками совсем недавно – в 17 веке. Целых два века педантичного копирования?.. Что-то тут не так!

7. Школа русского языка.

Русских много. Русских в Стамбуле много. Ещё больше в Стамбуле русского языка. Потому что по-русски говорят не только русские, но и турки. Не все. Торговые турки. И «торговые» не все. Оптовики. Район Стамбула с лавками оптовой торговли. В этом районе твой «разговорник» может отдыхать. Все русские с напряженными, озабоченными лицами: у них одно: затариться и уехать. У оптовых турков лица мягкие, но тоже озабоченные: не упустить «челнока». Изобилие джинсухи и прочего шмотья может поражать воображение. Размеры России тоже поражают воображение. России нужно много джинсухи и прочего шмотья. Сравнительно недавно за этим ездили в Китай. Сейчас европейские россияне катаются в Стамбул.

Когда высокий стройный турок остановил меня и заговорил по-русски, я не удивился. Его русский был достаточно корявым, так что чего тут удивляться! Он был симпатичным – этот турецкий мужчина, лет сорока, с лицом образованного человека. Он был в хорошем костюме, в свежей сорочке, при галстукке, приветливо улыбался, говорил много корявых русских фраз, узнав, что я из Питера, выразил привычный для питерского уха энтузиазм, сообщил, что у него свой бизнес – кафе, которое, вот-вот совсем рядом, что у него русская жена, которая, конечно же, тоскует без общения с соотечественниками, и как было бы хорошо, если бы я согласился посетить его кафе и познакомиться с его женой, и поговорить с ней – как бы она была счастлива!

Встреча с приятным турком случилась под вечерок недалеко от упомянутого моста Галата. А я и собирался перейти по этой переправе на другой берег залива, где имел жильё. К слову сказать, Поэт в своём известном эссе упомянул место своего проживания – самый знаменитый отель Стамбула, гостиницу Пера Палас в том же городском округе Бейоглу, который приютил и меня.

Короче, утомлённый за жаркий день «хождений-смотрений» я двигался, нога за ногу, в сторону «к себе», и вполне мог (имел внутреннее основание) отклонить предложение побалакать с русской женой стамбульского ресторатора. Но я *откликнулся*. Правда, с сомнениями, дескать, «где это?» и «далеко ли?», а так же и ограничениями, дескать, «минут десять, не дольше». Почему согласился? Причина ли в живущей во мне и граничащей с идиотизмом потребностью делать женщинам приятное, или в ненасытной страсти к сюжетным интригам?

Двинулись.

Гостеприимный ресторатор не закрывал рот, но его болтовня развлекала меня лишь до поры, пока не опомнился, что слишком долго топаем до «вот-вот совсем рядом», и что там, где застопорил, учреждений общепита в пределах трёх сотен метров не видно. И тут на моё «так, где же?» ресторатор прижал обе ладони к груди и сразу, как при удавшемся иллюзионе, вскинул их с радостным гортанным вскриком, и впрямь – произошло: как в сказке затормозило подле нас такси, ресторатор распахнул дверцу, с учтивым поклоном предложил забраться в карету, сообщив, что – «одна минута и мы у цели» и что, конечно же, «такси за его счёт».

Ладно.

Поехали.

Конечно, всякий ресторатор хотя бы малость должен быть жуликом. Навыки *завлечения* для всякой торговли обязательны. Очень ему хотелось, чтобы я побалакал с его русской женой, так что пришлось ему, бедному, слукавить, потому что бизнес-его-кафе не столь «вот-вот совсем рядом», даже такси взял и, сидя с водителем, названивает по мобильнику – в моём понимании: предупреждает жену, что везёт дорогого гостя и чтобы к нашему приезду всякое для гостеприимства было мобилизовано.

Но слишком долго едем.

Долго. Далеко. Впрочем, в моём понимании, положить меня потом на место, где взял, он будет обязан.

Но всё же слишком далеко...

Но всё же приехали.

Улица не туристская, сонная, пустынная. Кафешка в подвальчике, вниз – пять ступенек, почти пустая, свет тусклый, у барной стойки при входе – две фигуры, пустой маленький зальчик в глубине с обхватывающими круглые столы полукруглыми диванами, на один из них и шлёпнулся мой гостеприимный хозяин, хлопнув по кожаному дивану ладонью рядом с собой – приглашение усесться. Уселся. «Так, где Ваша жена?»

От момента произнесения вопроса всё остальное в описании не заняло больше одной минуты, а того точнее – существенно меньше.

Возник, похожий на боксёра-легковеса, парнишка официант и поставил перед нами по фужеру с холодным пивом и улыбнулся мне.

Тут же подсели к нам с улыбками две девушки, одна девушка подсела ко мне, вторая к мужу моей соотечественницы.

«Человек-половой-боксёр-легковес-официант» опять возник и поставил на стол два бокала и ведёрко с бутылкой шампанского и шуршащими кубиками льда. Бутылку вытащил, обтёр полотенцем, ловко откупорил и наполнил бокалы. Девушки меня поблагодарили и принялись пить. – Поблагодарили МЕНЯ!

И пока я собирал простую фразу для возражения, опять возник «половой-боксёр» и с любезной улыбкой положил мне под нос... знаете, такие культурненькие папочки-обложечки кладут под нос клиентам в кафе-ресторанах при завершении их *оттяга*? А там – бумажный листик и циферки в графе ИТОГО.

Я смотрел на потрёпанное паспарту из кожзаменителя и соображал.

Как говорил, всё, только что описанное, заняло времени меньше минуты.

Потрёпанное паспарту прояснило главное: я в западне, в западне у турецкой банды.

Папочку со счётом не раскрывал. Дотронуться – признать свою ответственность за оплату счёта. Я не дотрагивался, сосредоточенно на неё уставившись, пытался сконструировать схему поведения, чтобы вырваться из западни. Сколько турецких лир *нарисовал* «половой-боксёр» мне потом всё-таки – увы! – пришлось узнать. Число лир было 1500, что равнялось 750 евро.

8. К соседу сверху твой дремлющий интерес проснётся, когда он тебя зальёт.

Кто они – турки? Откуда?

Павшую с неба звезду, после того, как вострубил пятый ангел, звезду, которой был дан ключ от бездны, толкователи Апокалипсиса понимают как ангела, отпавшего от Бога вместе с сатаной, а бездну – пустыней.

«Она отворила кладезь бездны, и вышел дым из кладезя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя».

«И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют скорпионы».

История со звездой, получившей ключ от бездны, поддерживается текстом из самого Корана, в котором сказано, что Бог дал Магомету ключ. Следуя толкованию, дым – мусульманство, саранча – арабы и конечно всякие их приемники, в том числе – турки. Летописи раннего средневековья арабов сравнивали с саранчой, благодаря присущей им быстроте и беспощадности, а в самом Пророчестве описан внешний вид всадников, который очень точно передает внешность арабских воинов, всадников со львиными зубами, а львиные зубы – это их жестокость и бесстрашие... Такое, вот, пророчество...

Турки.

В 11 – 13 веках в Малую Азию переселились (пришли, прикатили, приехали) тюркские кочевники, из Средней Азии, Ирана – огузы и туркмены, с Балкан – узы и печенег, и принялись смешиваться с местными греками, грузинами и армянами – знаете, как это происходит? Мальчик с девочкой, мальчик с девочкой... вопреки родительской воле. В компот этногенеза курды, румыны и южные славяне добавляли и свою молодёжь. И в одно прекрасное утро византийцы проснулись, а у них под боком – ай-ай-ай! – Османская империя!

Ну и принялись драться.

Первое сражение молодого турецкого государства с Византией – в 1299 году, около Никомидии. Именно начиная с этого года, турки стали вести войну с империей, совершая страшные регулярные набеги на ее территорию, убивая и мучая христиан. Именно с этой даты и следует считать пророческие пять месяцев или 150 лет (согласно Иезекиилю). Прибавив к дате 27 июля 1299 года 150 лет, мы приходим к 27 июля 1449 года, и, действительно, именно в этот день Византийская империя лишилась своей внешнеполитической самостоятельности, и турецкий султан уже утверждал ее императоров. А спустя всего четыре года над храмом святой Софии поднялся магометанский полумесяц.

9. Исторический материализм.

Известно, в формировании умов подданных по наиболее важным для *правления направлениям* (проблемам-темам) Сталин участвовал лично.

Лично.

И роль личности в истории (значит и его личная роль) была для тирана темой, конечно же, архи-архиважной. Написал труд. Теоретический. По количеству печатных знаков скромный, по смыслу – чёткий. Как на скрижалях высек. Сработал грамотно. На то, что никакие цари-императоры глобальной историей рулить не могут, указал. А свой интерес узурпатора перенёс в нюанс. Дескать, тот начальник страны хорош, правление которого во всех частностях гармонично историческому моменту. И всё, что он творит, властвуя, его не компрометирует, потому что таков исторический момент, а его дело *моменту*

лишь соответствовать. В поддержку Доктрины подключились историки, люди искусств – сталинского реализма. Историки назвали двух образцовых правителей России: Ивана IV Рюриковича и Петра Алексеевича Романова. Из всех князей советским людям предложили любить Александра Невского и Дмитрия Донского, а ещё исторический дуэт Минина и Пожарского, и крестьянина Сусанина.

В хлынувшем за смертью Сталина разливе критики, в бурных потоках брани, введённых к нашему времени в очерченный берегами критико-пропускник, наподобие гидросооружения, к слову сказать, параллельного каналу со встречным, то есть противоположным, движением эмоций-оценок, направленных на *восхваление и реставрацию*, уровень наполнения в котором поднимается или опускается в зависимости от политической целесообразности, но, и в том будьте уверены, арык не пересохнет. Никогда... Так вот, и по сей день мне не удалось ни прочесть, ни услышать, что таким собственноручно написанным постулатом (это про то, что никакие цари-императоры глобальной историей рулить не могут) всеильный правитель отвёл себе (по собственной воле!) роль исторической марионетки. Не знаю, кто – как? – а я с ним согласен. И в поддержку Иосифа Виссарионовича напомним, что другая сложная историческая личность – Наполеон Бонапарт понимал себя точно так: *функционер, выполняющий Заказ*. «Я чувствую, что меня что-то влечёт к цели, мне самому не известной, – писал император. – Как только я её достигну, как только я перестану быть нужным, будет достаточно атома, чтобы меня уничтожить. До того времени никакая человеческая сила ничего со мной не сделает».

В своём «Путешествии в Стамбул» Поэт высказал гениальную догадку, что привидевшейся Константину во сне перед решающим сражением с Максенцием крест с начертанием на нём «Сим победиши» (toutw nika) – по нынешнему, "сим побеждай" – был крестом не христианским, а градостроительным, обозначающим планировочную структуру любого римского поселения: север – юг, запад – восток. И, одолев Максенция, он и отправился по параллели на восток и, выбрав Трою, а затем её отвергнув, в невзрачном городке Византии учредил столицу. В поддержку догадки Поэт указал на то, что в IV веке крест ещё не стал символом христианства, а натуральное приспособление для распятия скорее напоминало заглавное «Г». Оно и в самом деле... Только всё же вертикальная жердина своим верхним концом, очевидно, возвышалась над горизонталью всегда, хотя бы потому, что – так проще. Проще, хотя бы потому, что не надо педантично подгонять торец бруса к горизонтальному краю другого бруса. А ещё римляне для политико-морального воспитания распинаемых народов частенько писали на кресте, кто он такой, который – в корчах от мук. И к кресту Спасителя дощечку прибили, процарапав на ней «Царь иудейский». А для дощечки хотя бы малый пенёк нужен. Так что, как ни крути, а страшное приспособление форму креста всё же имело.

И всё же... Догадка Поэта независимо от исторической правды всё же гениальная!.. как всякая гениально сотворённая реальность.

Я что-то очень медленно подбираюсь к самой существенной для меня теме-проблеме. Как будто или чего-то опасуюсь, или оттягиваю приятненькое. В первый мой стамбульский день (следующим за моим возникновением на Босфоре) я так же не спеша, нога за ногу, двигался по улицам крикливого и толкучего центра, где первые этажи – сплошь сувенирные лавки, и конечно разглядывал сувениры, дивясь на тотальную безвкусицу, и миновав два

наиглавнейших туристических объекта – дворец Топкапы и Святую Софию (Айя София) – оставив их «на потом», так и бродил первый день, вбирая в себя... кто скажет, что я вбирал? Всё, что втекало через уши, глаза, ноздри... Ещё, правда, съел супчик из мелкорубленных бараньих потрохов – вкусненький. Возможно, для меня он получился особо вкусным из-за того, что при поедании я добавил фонетическую специю, проговаривая его название – ишкембе-чорбасы.

За малым исключением вся историческая наука, что куётся на западе-востоке-севере-юге планеты – исторический материализм. Читать объяснялки к минувшим событиям и крупным персонам – как правило, весело. Для подобной интеллектуальной развлекухи могу предложить все сочинения на тему «Обращение Константина». То есть, о причинах «обращения». То есть, почему этот язычник склонился к христианству. Всё когда-либо что-либо про это написанное расфасовывается по двум корзинам. Авторы «первой» твердили (а действующие – твердят поныне), что Константин – циничный политик, которому христианство и христиане были столь же безразличны, как и загубленные им его родственники, а к христианству склонился, лишь для достижения своих целей. И те из них (из «первой» корзины), кто к госпоже политике – с пиететом, в таком прагматизме усматривают мудрость, а прочие из той же «первой», кто плюётся в любую *беспринципку*, аттестуют Константина большой сволочью.

Авторы из «второй» корзины гневались на тех, кто из «первой», упрекали в предвзятости и некомпетентности, указывали на то, что язычество при Константине было преобладающей общественной силой, да и численно христиане составляли не более 10 процентов. И какой политик стал бы строить планы, опираясь на эти «десять»? Так что, никакой пользы Константину в легализации христиан и христианизации империи быть не могло – рискованные хлопоты, а всё дело в его душе, в религиозности Константина в виде честного и спокойного *деизма* – симпатиях к соляному культу и вере в единого Бога.

Интересна одна параллель.

Россия имеет своего знаменитого «обращённого». Равноапостольного князя Владимира. Помню, как в советской школе учительница рассказывала о колебаниях Равноапостольного между исламом, иудаизмом и христианством, и о том, что мы стали христианской страной случайно: русский князь пленился и собором Софийским, и службой в нём. То есть (в аргументах современной гламурной нечисти) предпочёл наиболее *гламурное*. Уже малость повзрослев, мне доводилось читать и прагматические версии выбора, не более, скажу, убедительные, чем труды византологов из «первой» корзины.

И получается, что эти два великих правителя до величия Иосифа Виссарионовича (если следовать теории Иосифа Виссарионовича) не дотягивают, как не соответствующие своим историческим моментам. А и в самом деле!.. только, вот вопрос, а чему они тогда соответствовали?

10. Тайны Святой Софии

Тайны, загадки, чудеса...

Какой же Восток без этого!

В облике Святой Софии и её архитектурных клонов, мечетей, Поэт ощутил нечто живое и вместе с тем, вероятно, демоническое, потому что сравнил с жабами – гигантскими, панциреобразными, насевшими на землю, угрожающе-инопланетными... Правда, сравнение отнёс лишь к мечетям, а сходство

малосимпатичных тварей с Софийским собором к злой шутке, которую сотворила судьба. То есть, переставил причину и следствие. Надо сказать, по отношению к «Софии» поступил деликатно, несмотря на свои не столь однозначные воззрения на христианскую тематику. Возможно, ислам душе Поэта был ещё менее органичен.

Меня же поразило сравнение с «нечто *живым*». Получается, вроде, каламбур: живое задело за живое. Ощущение как от *живого* – и впрямь! А если *живое* – значит, имеющее свою жизнь, а, стало быть, и ЗАДАЧУ. Только вот устаканиться на том, что, дескать, ДА, была ЗАДАЧА (а возможно, и по сею пору) и не попытаться сунуть нос в её метафизику – с подобным ограничением мой любопытный нос никогда не соглашался. Не согласится и сейчас. С полным пониманием того, что за погляд деньги берут и что любопытному в сортире нос прищемили.

Всё двигалось не спешно, но верно. Избавившись от одного из трёх Августов – Максенция, оставила История для своего предпочтения двух диархов – Лициния и Константина. Славная тугодумием, она или думала на этот раз попроворнее, или имела уже созревший промысел – так или этак, только в скорости помогла Лицинию облажаться во Фракии, а когда он попятился в Византию, пособила Константину окончательно выбить родственника из игры и освободить себя от последнего конкурента.

И этот, как аттестуют материалисты, один из самых циничных политиков, которому, что Аполлон, что Соломон, принялся не только истово заниматься христианизацией, решая, как утверждают, политические задачи, но отдал силы одной созревшей к тому времени догматической христианской проблеме: вопросу о Символе веры. И уже через год, после переезда в Византию, созвал в 325 году первый Вселенский собор епископов и священников, на котором арианская ересь была осуждена, и по сию пору православные произносят текст Символа веры попечительством языческого императора сохранившимся.

Определяет ли *бытие сознание*, или *сознание бытие*? По моим наблюдениям: когда как. Или: у кого как. У прикованных накрепко к земной тверди и в голове – земное. То есть, вонючее. В связи с преобладанием в моём сознании всякой пакости, подозреваю причину неспешной с а м о х р и с т и а н и з а ц и и самого императора в том, что не хотелось ему расставаться с гаремом. Со своим гаремом. Очень не хотелось! И я, испорченный, его понимаю: спонсировать христианство – ДА, а лишить себя коллекции прелестниц!.. Подожду-ка последнего Часа, тогда и крещусь... Император так и сделал. А вот наш, князь Владимир-солнышко, нашёл в себе духовные силы, крестился и с блудом языческим завязал. За что и славим! Только беспокоит меня последующее социально-экономическое положение гаремных жен и наложниц. Жаль девушек! Очень жалко.

Конечно, для времени Константина о торжестве христианства говорить рановато. В истории вообще всякое н о в о е имеет предупреждение, свои приметы ещё в с т а р о м . А всякое нынешнее содержит сигналы дня завтрашнего. Константину мерещилось, что христианство вполне совместимо с язычеством. И как такое могло! Однако мерещилось. Однако христианский мир обязан ему не только ограждению от умствования Ария. Константин признал христианство равноправной религией. Мало того, развернул строительство христианских храмов – в масштабах грандиозных. И не только в своей столице.

Церкви Апостолов и Св. Ирины лишь самые известные. В его царствовании строилось много церквей в Антиохии, Никомедии, Северной Африке...

Особенно интересовала Палестина, где его мать, Елена, нашла и холм Голгофы, и гроб Господень, и Животворящий Крест. И на месте захоронения Христа был возведён в Иерусалиме храм Гроба Господня, а на Оливковой горе – церковь Вознесения, а в Вифлееме – церковь Рождества.

Вот и нынешняя «София» предуведомления имела, попросту – предшественников. На уготованном ей холме, сын Константина возвел базилику. Скромную. Скромную, но не простую. Не простую, потому что она сгорела. Через 44 года сгорела. Она, видите ли, отреагировала!.. Впрочем, сама ли церковь? Пожалуй, я заврался. Что могут камни?.. Камни знают, но не сделают. А, вот, ЗЕМЛЯ! Она и скажет, и сделает. К примеру, вот здесь, где эта жилия дылда отблескивает, даже курятнику не место. Не место – не полезно. Не только людям, но и курам и живью всякому. А вот монах поляну для скита сыщет точнѐхонько, и сила Земли аскета станет подпитывать. Вот и холм под Софию... Кто скажет, кто выбрал? Но каков в ы б о р !.. Первую церковь этот холм сжѐг. Зачем? Почему? – Ищите женщину! – Как это по-китайски? – Императрица Евдоксия изгнала из города любимого народом архиепископа Иоанна Златоуста. Выгнала-прогнала, потому что святой Иоанн публично пенял ей за плохое поведение. Сходных сюжетов в истории тьма, а с одним, самым знаменитым, совпадение даже в именах страдальцев. И Холм (уж буду писать с большой буквы) сжѐг базилику! Просигналил. О своём нерасположении к царствующей парочке просигналил. Но почему храм не пожалел?

О том, что свато место пусто не бывает, слышали. Через двенадцать лет (знатное число!) на месте пепелища – новый храм. И богаче первого (вот, верно, потому и не стал жалеть Холм первую постройку). И опять в честь Св. Софии. И опять Холм его сжѐг...

Когда на благочестивого правителя Юстиниана и любимую им императрицу Феодору с криками «Ника!», то есть, «Побеждай», подняли руку язычники и всякие плохие парни – сгорела. А победила – заглянем в учебник – венценосная семья. Правда, с большой народной кровью.

Но уже через сорок дней после подавления мятежа благочестивый Юстиниан возвестил о намерении на месте сгоревшего храма построить новый, который превзойдёт по красоте все существующие церкви христианского мира.

Сказал – сделал.

И поднялось на Холме то, что и сейчас, и по сию пору...

Визу в страну Турция можно купить, как трамвайный билет, по прибытию на турецкий вокзал, аэропорт, погран-КПП...

И подошёл рассказ к третьему ЧУДУ. Знамению чудесному.

Кто скажет, сколько жила Византия? К учебнику истории излишне тянуться, достаточно знать закон, по которому: *не больше, не меньше тысячи лет*. По которому и Римская империя – 1000 лет, и Египетское царство с *фараонами-тутанхамонами, и прекрасная Греция* в такие же уложились сроки. Да и зачем далеко ездить! Последний имперский начальник России, Михаил сын Сергея, окропил своей слезой финал *тысячелетней и сторики* государственного образования на вверенной ему территории.

Положенный Законом тысячелетний срок в истории Византии особенно отчётлив...

По смерти Феодосия I, в 395 году, случился окончательный раздел Римской империи, то есть этот год вполне можно принять за историческое начало империи Византийской. А если без самого малого 1000 лет к этой дате прибавим, то окажемся в году 1362, когда турки заняли наш европейский Адрианополь с примыкающими полями и лугами, а бедная Византия скукожилась до размера Константинополя и кончилась как империя... Во веки веков. Аминь.

Ну, а теперь посмотрим, не окажется ли в середине жизни восточно-римской-империи-Византийской нечто известное под названием Ренессанс? Обязательно! Иконоборческий кризис переборов, окунувшись империя в роскошь и великолепие, усилилась тяга к изящному, расцвели декоративные искусства и всякая *прикладуха* с языческими мотивами, и всякие прочие безобразия, и возникли идеи контакта с Богом не через соборную молитву, а через индивидуальное сосредоточение... Ну а к началу Ренессанса 500 лет прибавить – в аккурат апокалипсический финал империи уже можно оплакивать.

А Константина-град-царь-поль-Стамбул держался ещё век, пока... плюс двадцать к четырём своим годам султан Мехмед, «второй» по счёту решил хапнуть. А что такого! Почему бы нет? «Империя»? – одно название. Жив, правда, стольный град – столица без провинций, да император в штате, но заполнение вакансии – с согласия султана... так что, за малым дело. Тем более что среди именитых столичных жителей протурецкие настроения весьма заметны – пятая колонна тут как тут... ну и подступил Мехмед II к стенам. А, вот, стены крепкие! Крепкие-прекрепкие. И двойные. Пожалуй, стены – единственно, что оставалось крепкого. Но султан нанял венгерского оружейника, заказал ему мощную мортиру, этой пушкой проломил стены и 29 мая 1453 года взял Константинополь. Последний император дрался и в битве погиб.

Имя последнему императору было Константин.

Константин, под номером XII. Или XI. Встречалась мне и та, и та нумерация.

А дальше так.

На три дня Мехмед II Фатих («Фатих» – завоеватель) отдал Царьград-Константинополь своим янычарам – грабить и кровь пускать. – Ну, это ладно... Ладно? – Снисходительное «ладно» пять сотен лет спустя – нормально. Разбой победителей – в почтенной традиции и по сей день. – Это, во-первых. Точнее: во-вторых. Потому что на первом месте, если быть перед собой честным (а это вовсе не обязательно, согласитесь), обстоятельство другое, шкурное: от султана Мехмеда не пострадали ни я, ни вы, ни, в обозримой близости, наши близкие, ни достояния наши. Поэтому и «ладно». Иначе, конечно, апелляцию к истории послали бы куда подальше!..

А то, что Мехмед-Фатих изменил название города – это уж совсем «ладно». *Византион* (Byzantium), *Август Антонин* (Augusta Antonina), *Второй Рим* (Roma Sekunda), *Новый Рим* (Roma Nova), *Константинополь* (в народе – Полис), *Базилевс Полис* (по нашенски – Царьград), *Константинийэ* – в исламском мире, и от греческой фразы «ис тим Поли» в турецкой разговорной речи – *Истанбул*, и *Исламбул* – в неудавшейся попытке Мехмеда отуречить название, и *Стамбул* – в у д а в ш е й с я попытке Европы словечко европеизировать. Так что – ладно!..

А вот что «не ладно», что совсем «не ладно»... Это то, что из святой и православной Софии-славной султан-завоеватель мечеть устроил. Айя-Софию.

Крест заменил серпом, у стены восточной сотворил михраб, и кафедру-минбар сложил, мозаики заштукатурил и минарет воздвиг. Айя-София... айя-айя-айяй!.. История ислама такого не знала! Такого кощунства. Как будто. Ведомо всем: религиозная терпимость у мусульман («tolerantia» – у латинян) – в традиции. И что же султана-паренька подвигло? К такому? Предполагаю: *головокружение* и *нетерпение*. Головокружение – от успеха, а нетерпение – от желания поскорее утвердить в завоёванном граде символ религии – религии Пророка. А стало быть, и своей религии. А, стало быть, символ – максимально грандиозный. Но ждать пока построят... И где мастера?.. Переделать «твое» на «моё» проще. Переделал.

Вот и подошёл рассказ к третьему ЧУДУ. Сейчас подошёл, а не страницей раньше, как поторопился написать.

Такого кощунства земля не снесла.

Двинулась Святая София на Мехмеда II Фатиха.

Пришла в движение.

Вдруг начала сползать по Холму.

Двинулась на султана, на его янычар, на его чиновников, на его народ.

Двинулась на урюков, тахтаджиков, огузов, туркмен – на всех агарян-сарацинов.

Без малого тысячу лет стояла не шелохнувшись. Двинулась.

Охватил ли Завоевателя мистический ужас? А тут и всякий атеист ужаснётся. Для драматургии рассказа было бы шикарно, кабы юноша, в самом деле, закрыл лицо руками, взвыл в раскаянии, посыпал голову пеплом. Или землёй. Кто знает, как было? А может и, правда, вздрогнул. Хотя бы. Но всё, что за ЭТИМ – не подтверждает. Противоречит. Потому что дело такое нехорошее Завоеватель-Фатих продолжил. Продолжил дело передела «твое» в «моё» – «дело-передела». Передельщиком оказался великим. И Рим Второй переделал. Как вчерашний-наш-московский «в кепочке» переделывал «Москву – Рим Третий» – в «Москву-гламур». Преуспевающая, преуспевающая...

А что Святая София?

Спохватно возвели два *агромадных* пилона – *толстенющие* контрфорсы, две рукотворные скалы. Сползающий храм уткнулся в них и – против лома нет приёма – застыл. Навечно? По крайней мере, на пять последующих веков.

11. Чудеса

«Горы падают, доли встают»

Чудеса и свидетельства о них, советский Агитпроп прятал от народа. Прятал и трясся, чтобы никакое чудо из-под колпака не высунулось. Но абсолютная тайна не достигалась: то ТУТ, то ТАМ. И подключались тогда репрессивные структуры – дескать, ЦЫЦ, МОЛЧОК! И это работало: свидетели чуда – под козырёк, а рот – на замок.

Более всех чудес беспокоили Агитпроп чудеса религиозные. То есть, феномены от Сил Светлых. Всё, что от сил тёмных, всякое чудо-юдо – с этим попроще, относили к рубрике «одна баба сказала», и народ солидарно и без специальных приглашений посмеивался. А вот за чудесами от Сил Светлых стоял авторитет церкви – хотя и гонимой, но, в глубинном ощущении атеистического народа, существенной и значимой. Кроме того, и, возможно, самое главное, чудеса от Светлых Сил оказывались неоспоримым подтверждением Бытия Всевышнего. То есть, споров на тему: «есть Бог? – нет Бога?» Агитпроп не боялся, а, вот, регулярно и прилюдно повторяемые чудеса становились для него

головной болью! Но в отделах «Агит и проп» – наитолковейшие ребята. С Благодатным огнём вообще не имели проблем. – Никто в СеСеСеРе не знал, не догадывался, а если подлое знание просачивалось – объявляли, усмехнувшись, ежегодными фокусами греческих попов. Против таких чудес, как подновление икон, их мироточение, мироточения мощей святых угодников классно работала информационная блокада: не слышали, не читали, не знали. Получалось славно: почти обо всех главных, регулярно повторяемых чудесах люди ведать не ведали. – Почти обо всех – потому что оставалось всё-таки одно, всеми знаемое, чудо: «освящённая вода»! Головная боль Агитпропа. Ну что же это такое! Налить из-под крана, зачерпнуть в реке, в озере и дать две недельки-то постоять, да и кто ж пить-то такую тухлую станет! А водичка освященная – и через год свежая. Проблема! Да ещё более грандиозная, чем в первом пригляде. Потому что раз в году, в день водосвятия, когда освящается «живая вода» – озеро, река – все воды, соединённые подземными токами, становятся освящёнными. Вся вода на планете! Ну, с самым сложным, с «живой водой», большевики справились. И, как ни парадоксально, легко. Запретили попам святить «живую воду». Только в храме. Что это ещё за религиозное шоу! Только в храме. А вот с водой в храме освящённой было сложнее. Но нет таких крепостей здравого смысла, которые большевики не могли бы одолеть своей брехнёй. И проблему освящённой воды одолели. А всё потому – очень толковые! Агитпроповские ребята знали: советский народ – кретины и идиоты. Сплошь. Независимо от образования и учёных степеней. Всякую нелепицу – примут. *Буди* она перечить физике-химии и астрономии – согласятся и своим детям брехать начнут.

Была придумана сказка. Сюжет такой. В момент, когда священник опускает в воду крестик, с его поверхности срываются миллионы, миллиарды атомов золота, происходит ионизация воды, после чего в чане, в баке уже будет вода с новым антибактериальным, *антипротухальным*, всячески *хорошальным* и *консервальным* свойством. И никакого чуда!

Сказка получилась чудесной. Чудесной – в смысле «чудо-юдо». Советские люди, даже с *высшим техническим*, изучавшие физику-химию, ионы-катионы и анионы, такую бредятину брали в идеологическое обеспечение своей головы, своей атеистической идеологии.

Глумиться над «мы-советский-народ» солидарно с ребятами из советского Агитпропа дело сейчас нехитрое и – безопасное. Но не слишком умное. Потому что атеистическое мировоззрение вовсе не продукт политического строя. Впрочем, как и всякое мировоззрение.

Но загадка очевидна. И какая-то в этой загадке очевидная таинственность. Таинственность – в тупой упёртости атеистов. – Мои друзья-атеисты за эту «тупую упёртость», опасаясь, мне воздадут. Но, в самом деле! Что есть, то есть. Рядовая картина: «нормальный рассудительный умный» внимает неоспоримым свидетельствам о чудесах, внимает с характерной для этого типа людей (нормальных, рассудительных, умных) очевидным вниманием и серьёзностью, и ещё некоторое время спустя пребывает в состоянии некой задумчивости, правда, с некоторым всегда заметным туповатым выражением лица, но ничего в своей голове не перекраивает, а полученные сведения становятся лишь информацией к размышлению, для которого никогда не будет потом времени. Да и желания.

Не будет желания, потому что кто же пожелает отдрать свою кожу. – Кожу, потому что наше мировоззрение, воззрение на мир – кожа вторая: какие-то факты пропустит, а что-то – нет. По принципу, если факт против меня – тем хуже для факта. И это не шуточки! Представить страшно, как бы жили в разлитом

океане противоречивых фактов! – С этим понятно. В связи с этим, понятна и упёртость советских атеистов, которые свой атеизм с молоком мамы-комсомолки впитали. И дело тут не только в трудности перекраивания головы, но и в интуитивном понимании того, что вслед за головой и жизнь в чём-то (и даже в очень существенном) менять придётся, а и без того в жизни столько сложностей! – Так что, это понятно. А, вот, что совсем не понятно: почему пустеют храмы в Европе? Почему воспитанные в теизме европейцы по образу жизни, мыслей, устремлений всё более становятся похожими на нас, рождённых в стране Советов? Впрочем, если что-то непонятно мне, это не означает, что не отыщется некто рассудительный и не объяснит. Например, Поэт справедливо указал, что «абсолютная власть, автократия синонимична (...) единобожию», вставив перед последним словом «увы», но абзац закончил с восторгом и, назвав вещи своими именами, написал, что «демократическое государство есть на самом деле историческое торжество идолопоклонства над Христианством». – Написал. Возможно потому, что в дни его уже всю гремел, дымил, вонял рок-попс. Или, наоборот, по невнимательности не относил звуковую атрибутику проживаемой жизни к торжеству сатанизма. И до разрушения современного знака Маммона – башен-близнецов оставалось тогда ещё целых 16 лет.

12. Собор

Сначала притвор. По гречески – нартекс.

Из притвора в храм – девять врат. Бронзовых. Восемь бронзовых, а центральные – Царские. И сделаны Царские врата из...

Ноев ковчег одним – сказка, другим – легенда, третьи – видели и руками трогали... там, на Арарате. Свидетельству тех, кто видел и трогал, никто не верит. Я тоже. Я даже в коммунизм от Карла Маркса не верил, и в электричество не верю. А уж что говорить про Ноев ковчег.

Царские врата сделаны из досок от Ноева ковчега. Вероятно, Юстиниану доски преподнесли армяне. Слазали на Арарат и отодрали от корабля. Доски чёрные. Врата Царские – чёрные. Иссиня-чёрные. Высоченные двустворчатые чёрные. В них мощь и сила. Мощь – держать-удержать. Сила – сделать, сотворить, совершить. Потому врата и страшноваты: неизвестно, чего от них ждать?

Ноев ковчег – судно, оно приплыло из допотопной жизни, почти сказочной, в послепотопную, то есть, почти в наши дни.

Туристы прут через Царские врата. Я тоже. Я приложил ладонь к дереву ковчега, соединившего когда-то жизнь допотопную с послепотопной, и всплыл в пространство, объединившее под сводом Софии-Ай-яй-Museum христианство и мусульманство.

И в противоположной входу апсиде такое о б ъ е д и н е н и е – как на витрине. Апсида – полукруглый алтарный выступ. Сейчас вместо алтаря – михраб, залитый светом, как золотой (а может быть и золотой), а над ним в к о н х е апсиды – то есть, в «раковине», то есть, в полукуполе над апсидой мозаика Богородицы Оранта – Охранительницы. По преданию, когда 29 мая 1453 года в Софийский собор ворвались янычары, в храме совершалась литургия, и священник с чашей Святых Даров в руках вошёл в стены алтаря, дабы враги не осквернили святыню. Там он сохраняется божественной силой и поныне, и некоторые из паломников слышат шёпот его молитв. Не повернётся история вспять, не восстановится Византия, но музейный объект Стамбула, Айя-София, в

принципе, Вселенскому патриархату отойти может – а почему нет? Скажем, в обмен на вступление Турции в ЕС? – и тогда, убеждены многие, сказка станет былью, и священник из стены выйдет, чтобы завершить божественную службу. А сейчас? Помогает ли Богородица хорошим мусульманам? Поддерживает ли заступничеством, даже если не просят? Вопросы такие и в мою голову приходят. Оставаясь, конечно, без ответа.

Известно, в православных храмах предстоящие перед алтарём обращены к востоку. Исключительно. А Пророк завещал молиться лицом к Мекке. Тоже исключительно. В Стамбуле расхождение в *направлениях* 20 градусов. Понятно, государственному деятелю мечеть в завоёванном Полисе была важнее установки Пророка. Я был уверен: молодой султан на Установку начхал. Ан нет! Не начхал. Михраб оказался сдвинут от оси храма градусов на пять. То есть, не на все 20, а только... так, чуть-чуть, как некий сигнал, намёк на то, что молиться будем не по христианскому направлению, а по исламскому.

А по краям апсиды – арабская вязь в огромных медальонах... Вот ведь, и европейская рукописная книга изяществу графики уделяла внимание. Правда, фокусировала его на буквицах. В основном. Но хоть кто-то, рисуя буквицу, быть может и пытался передать какой-никакой сакральный смысл? Чего в творчестве не случается! – Но догадка без малейшего обеспечения, то есть, как некое допущение, поэтому предлагаю принимать ценность заглавных латиниц и кириллиц по преёскуранту красивых миниатюр. А такое не скажешь про арабскую вязь. Как и христиане, мусульмане знают, что первым – было Слово, но желают его не только слышать, но и видеть. Желают иметь зрительный образ Слова. Тем более что лишены икон. Лишены икон и религиозных изваяний.

Зрительный образ слова.

Враги Ивана Фёдорова и его коллег-полиграфистов в борьбе с печатной книгой говорили, что переписчики, работая с благословением, являют собой проводников Божия Промысла, и сам Промысел проявляет себя в графике текста, в начертании букв, слов... А лишённая такого богатства, печатная книга – не настоящая и не просто пустая, а и вредная, потому что всё, что не с Богом, то – с сатаной.

Возможно ли, что подобное по смыслу питает и опыты пиитов авангарда в рисовании стихов? помимо хотения украсить коннотациями свой текст, не стремятся ли они преодолеть тоску от шрифта, предчувствованную врагами полиграфии?

Храм.

Храм огромен. Огромные размеры всякого рукотворения всякое воображение поражает. А дикарей бьют по воображению. А все люди – дикари. А цивилизованные – цивилизованные дикари.

Как-то этот храм устроен, что поражают не наружные размеры, а когда ты – внутри. В общем-то, понятно. Смотришь издали – храмина проецируется на плафон стамбульского неба, как нечто плоское, двумерное. Но когда ты в нём... Трёхмерное пространство колоссально. И доминирует вертикаль. Зенит купола. Купол агромадный и со стенами – такое ощущение – не связан. Как будто парит. – Эффект от бесчисленных малых световых проёмов в его основании. Так что, в центре грандиозного нефа парит над тобой великий купол. А экстрасенс сравнит с рефлектором и начнёт поучать: всякий купол *источает*. В терминах специализации уточнит: «Энергию космоса». – То есть, по мнению сенситивов, купол – как гиперболоид инженера Гарина – собирает (аккумулирует и

концентрирует) эту самую, не признаваемую чванливой наукой, космическую энергию и льёт её на тех, кто под куполом, в том числе и на чванливых учёных. Вот только язык экстрасенсов ужасен, но повод ли это для спора с ними?..

О галереях собора следует сказать отдельно. Они с трёх сторон окружают подкупольное пространство (чего в русских храмах, пожалуй, не сыщем), но особенно поразительны необыкновенной своей шириной. Так это или не так, но мне сказали («одна баба сказала»), что во времена Юстиниана в христианских храмах существовала половая сегрегация, и христианки, как и мусульманки в мечетях, молились в изоляции от мужчин, в Софийском соборе – на галереях. Поэтому – так широко. А поднимались на галереи по широченному пандусу, на весьма, надо сказать, приличную высоту. Но в награду за утомление прихожанки были одариваемы великолепными мозаиками на галереях, ныне – эталонными. Так что, нет худа без добра...

13. Нет худа без добра

«Нет худа без добра» произносим почти каждый день, а иной день не один раз. И грандиозное Правило замыливается, становясь п р и м е т о й и не слишком для жизни важной.

Знаточи говорят, что иконоборчество хотя и нанесло урон культуре – огромный! огромный! – но (повторяя: нет худа без добра) в освобождённой от ереси Византии возникло искусство н о в о г о в и д а , имея ввиду под этим и к о н о п и с н ы й к а н о н , византийскую школу иконописи. И очень толково раскладывают, как всё происходило – то есть, постепенно, постепенно... Указывают на предка Византийской школы – живопись античную. Катакомбы первых христиан, подземные лабиринты Рима, Неаполя, Керчи, Сиракуз, Милоса, Александрии были для гонимых и церковью, и кладбищем... Были для них церковью. И они украшали потаённые храмы. Штукатурили, белили стены, покрывали живописью... А что за живопись? А какой она могла быть? Конечно, античная! Языческая!– И художественный язык, и сюжеты – вазы, цветы, плоды, животные, амуры... но постепенно, хотя и проворно, античные образы стали наполняться новым смыслом. Амуры превратились в ангелочков, образ прелестной Психеи стал толковаться как изображение христианской души, атрибут имперских триумфов – пальмовая ветвь стала символом райского блаженства. Особый смысл приобрели виноградная лоза и гроздь, они стали символом главного таинства – евхаристии, пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христова. И вот уже появляются на фресках фигуры молящиеся с воздетыми вверх руками – оранты.

Далее художники постепенно, но сознательно начали отходить от античной трактовки человеческого образа (соединение физического и морального совершенства), всё более стараясь передать духовную сущность, пренебрегая правдивой передачей облика физического.

Таким образом, христианский иконографический канон начал складываться с а м о п р о и з в о л ь н о , и лишь много позднее был узаконен церковью и традицией.

Правдоподобно.

Только что-то мне для полного ощущения п р а в д ы чего-то не достаёт.

Известно, создателем первой иконы был сам Христос: поднёс к лицу плат и образ с короткой бородой, с длинными темными волосами, разделенными прямым пробором, на том платке запечатлелся. Затем, царь города Эдессы чудотворной

силой Плата исцелился от проказы. Так что, все Спасы Нерукотворные писались и пишутся с подлинного оригинала.

А образ Богоматери запечатлен евангелистом Лукой – по сути дела, портрет с живой натуры.

Искусствоведение, известно, зиждется на принципах эволюции: одно «хорошее» вытекает из другого «хорошего». Питается и вытекает... Может быть, оно и скачками вытекает, с бульканьем, но в своей сути предыдущее всегда содержит.

Вот и лики на фресках, принцип их изображения искусствоведы обнаруживают в античном надгробном портрете. Приглашают в Московский Музей Изобразительных искусств посмотреть «Фаюмские портреты», века первого или второго, из местечка Эль-Фаюм в Египте. Мне удалось пока смотреть репродукции. Портреты впечатлили. Люди на них со всей очевидностью пребывали по ту сторону земной жизни. Взгляд огромных глаз проходил сквозь меня и, опять-таки со всей очевидностью, видели они нечто мне недоступное... недоступное ни мне, ни вам – ни нам. – Вот этот-то принцип, говорят искусствоведы, и был использован и развит до предела в византийском иконописном каноне. Только не было ли всё с точностью до наоборот? Земля Египта в первых-вторых веках славилась христианскими мистиками, сильным духовным полем. А портреты из Эль-Фаюма никакой видимой связи с прелестной *антикой* не имеют. Нет, что-то тут не так!.. А как же «первоявленные иконы» – продукт религиозного озарения, видений и видений? Икона «Христос-Пантократор» рождена на Афоне задолго до оформления канона, но вот уже 14 столетий Христа-Пантократора все богомазы пишут подобно.

Нет, кого как, а меня не уговоришь. Как бы произвольно не складывался иконографический канон – как будто сам собой, но без подсказки, без божественного поправления никогда бы в той стройности и строгости, в которой явил себя всему миру, не сложился. Не могу удержаться и не высказать догадку, точнее – предположение (и предполагаю, что никогда моё предположение ничем более точным и основательным, чем простое предположение, не станет). Если иконоборческая ересь и не была Промыслом, то не случилась ли она по попустительству Всевышнего, и попустительству не снисходительному, а принимая во внимание, что на финале иконоборчества появились иконы, не вызывавшие уже упреков в язычестве и идолопоклонстве, появилась новая иконография, то не было ли то Попустительство Благосклонным?! Сходным с попустительством сожжения двух соборов Святой Софии в преддверии главного храма христианского мира?

Тут и подошёл рассказ к ПЕРСОНАЖУ.

К персонажу знатному, славному, великому.

В европейской культуре – два таких.

Микеланджело Буонарроти, отразивший в творениях духовный кризис Позднего Возрождения (и, конечно же, свой собственный духовный кризис), и за восемьсот лет до него – Иоанн Дамаскин, цельная христианская душа, создавший цельные системы для многих сторон христианской жизни.,

Общее их сходство – разносторонняя одарённость. Разносторонняя и мощная.

Великий поэт, крупнейший богослов и борец за православие Иоанн-Мансур, эллинизированный араб, прозванный Дамаскиным, родился в христианской семье и жил, как можно догадаться, в Дамаске. Сын крупнейшего чиновника при Сирийском халифе. Образование получил домашнее, но

разностороннее: философия, математика, музыка, астрономия (и конечно же – астрология)... и, биографы говорят, глубокое, и этому можно верить, потому что удалось ему потом унаследовать от отца высокую министерскую должность «великого логофета» – в Византии это что-то вроде министра финансов, а как в Сирии, я не знаю.

Но как получалось сочетать Иоанну Дамаскину непростое государственное служение с разносторонним творчеством!

Иоанн – автор церковных песнопений, в которых христианский мир до сих пор черпает силу. Считается, что именно он составил пасхальный канон, могучий гимн "Воскресение Христово видевшее". Лаконичность и живость языка, трогательный лиризм и глубина мысли – все это делает Дамаскина величайшим поэтом Византии и всего христианского мира. Не случайно его прозвали "златоструйным".

С поэзией Дамаскина сливается его музыкальная деятельность. Его трудам принадлежат первая церковная система нот и издание сборников христианских песнопений.

Еще более Иоанн Дамаскин известен как богослов.

Помню замечательный «Гимн вторичности» одного мало известного современного автора. В Гимне восславлялись *идущие по следу*. Автор доказывал, что все великие фигуры в искусстве имели предшественников, оставшихся в тени, в небытии... И заслуга великих – в чутком распознавании ценности новизны и спохватном её присвоении.

Иоанн Дамаскин принцип вторичности начертал на своём знамени. Его девизом было "Не люблю ничего своего", а методом работы, следуя аристотелевской логике, – компиляция. И хотя богословие Дамаскина даже по средневековым меркам было лишено оригинальности, однако он сделал то, что необходимо было сделать: благодаря его усердию и устранению из церковных догматов множества противоречий православное вероучение обрело стройную систему.

Его труд оказал огромное влияние на будущие поколения православных и католических богословов, и до сих пор является основным источником основ христианского вероучения.

Ну, а для нашего повествования и для господ искусствоведов Иоанн Дамаскин интересен прежде всего как яростный воитель с иконоборческой ересью и создатель теории Священного образа, положившей начало канонизации иконописи.

Складывался ли христианский иконографический канон с а м о п р о и з в о л ь н о , как утверждает искусствоведение? – Как говорят в народе, «мо-быть». *Мо-быть* и складывался, но только сложил его окончательно один человек – преподобный Иоанн-Мансур. Кошунственно отрицать в этом волю Всевышнего, но следует помнить, что проявляется она, как правило, в связи со всяким объективным, что и позволяет неверующим пребывать в своих заблуждениях.

Согласно теории Иоанна-Мансура изображать святых допускалось лишь в символическом и аллегорическом виде, а сюжеты следовало брать лишь житийные и из Священного писания, а Христа разрешалось писать лишь в том виде, в котором он пребывал на земле и нельзя было писать образ Бога-Отца... Нельзя было писать образ Бога-Отца. Кто был в московско-лужковско-железобетонном храме Христа Спасителя образ Бога-Отца видел.

И ещё была одна строчка в тексте теории Священного образа, очень существенная для финала нашего рассказа про Иоанна-Мансура: «Иконы чудотворны, так как несут в себе часть божественной силы того, кто на них изображен». – И вот почему эта строчка нам важна...

В период создания Иоанном-Мансуром теории Священного образа произошло с ним НЕЧТО, и узнать про это многим моим читателям, боюсь, будет неприятно. А некоторым даже отвратительно. Так что, заранее кланяюсь, приношу извинения.

Иоанн-Мансур, напоминаю, работал у сирийского халифа в крупной министерской должности. А в пору описываемого события, на должности императора в Византии работал человек по имени Лев III Исавр. Страстный иконоборец. Иоанн-Мансур пытался его образумить. Писал письма. Написал аж три трактата в защиту иконопочитания и направил императору. Всё это имело для Льва Исавра неприятнейший резонанс – Иоанн-Мансур был знаменит и почитаем. Лев Исавр ярился, но ничего не мог поделать: Иоанн не его подданный, не работал на него, не подчинялся ему. Но дело для императора не оказалась всё-таки уж очень сложным. Потому что, если чего в политике не добиться добром, то всегда можно задействовать, как говорят нынешние кремлёвские ангелочки, административный ресурс. Было составлено подложное письмо, в котором дамасский министр Иоанн-Мансур якобы предлагал императору Византии помощь в завоевании сирийской столицы. Это письмо и ответ на него императора были направлены халифу. Далее – просто. Иоанна сняли с должности и в наказании отсекли кисть правой руки. Отсечённую кисть повесили на городской площади. Спустя время Иоанн получил отсечённую руку обратно. А далее произошло то, что читать многим, как я уже беспокоился, будет отвратительно. То есть про то, как безвинного осудили и руку отрубили – ну, чего в истории не бывало! Правда? А вот то, что за тем... А далее было так. Иоанн-Мансур затворился у себя, приложил кисть к руке и стал молиться перед иконой Богородицы. Через некоторое время заснул. А утром проснулся. Проснулся и обнаружил, что рука приросла. Тогда Иоанн заказал мастеру серебряную копию своей отрубленной и приросшей кисти. Когда получил заказ, прикрепил серебряную кисть к иконе, перед которой молился. В благодарность об исцелении написал песнопение «О Тебе радуется...». Ну, а отношения с халифом конечно не восстановились, Иоанн уехал в Иерусалим, где и принял постриг. А икона Богородицы с прикреплённой серебряной кистью хранится на Святом Афоне. И много уже сделано списков с этой иконы, а сама икона получила наименование «Троеручница». Ну, а я ещё раз приношу господам неверующим извинение: история для неверующих отвратительна, потому что по фабуле – сказка, но с учётом историчности персонажа и широкой известности факта чудесного его исцеления – историческое событие. И где же взять повод для скептической ухмылки? А, узнав обо всём таком из текста, даже некому свою скептическую ухмылку и показать-то!

14. Гарем

Как признался Поэт, целью его паломничества во дворец Топкапы был гарем. Он, правда, назвал его *сералем* – венецианским словом, искажившим персидское «*сарай*», что означало в турецком языке *здание* или *дворец*. – О несоответствии (впрочем, весьма распространённом) упомянул не с целью

зацепить Поэта (*прицепиться* к нему), а лишь желая напомнить правильное значение слова. Впрочем, кто знает, что творится в подкорке при свершении общественно полезного поступка?..

В гарем Поэт не попал. Гарем был закрыт.

Направляясь в Топкапы, я решил в гарем не ходить. Кому-то сказал, что гарем без женщин не интересен. Да ещё стоять (обещанную путеводителем) длинную очередь.

Гарем был открыт, очереди не было, и я пошёл в гарем.

Но сначала проник во дворец...

15. Дворец.

Для тех, кто никогда не жил во дворце (а таких – исключив крошечное исключение – всё человечество), слово «дворец» – слово из сказки. И у каждого свой образ дворца. Помню разочарование одного провинциала, увидевшего Зимний дворец в Питере. «Ну какой же это дворец!.. Ну какой же это дворец!» – возмутился. Оказалось, дворец в его представлении обязан носить одежды из мрамора, красивых камней, позолоты. А у нашего-то имперского бедняка – штукатурка.

И всё же, есть одно общее для европейцев (а говорить уверенно могу только о них), для мерцающих в их головах картинках при слове *дворец*: единый объём (или объёмы сплавленные), единый архитектурный образ – попросту, ДОМ.

Дворец Топкапы – это четыре двора за каменной стеной, обстроенные разномастными строениями.

Всякая умеренная (то есть, разумная) автократия создаст для демоса иллюзию возможности доступа к «телу» или к «управлению». Два первых двора в Топкапы были доступны всем подданным империи – приходи, гуляй и, если повезёт, увидишь «Повелителя двух морей, тени Аллаха между двумя горизонтами, героя вод и тверди». Но Повелитель двух морей имеет – конечно же! конечно же! – право на нормальные условия для трудовой деятельности, на покой, на частную жизнь. Все эти нормальные условия – за стеной, отсекающей второй двор от третьего, с красивейшими воротами сказочного названия: Ворота блаженства. У ворот своя роль. Можно сказать, грандиозная. Из них выбрасывали на растерзание янычарам великих везиров (то бишь, премьер-министров), выносили тела повелителей вод и тверди, зарезанных очередным претендентом на тень Аллаха в двух мирах, объявляли о восшествии на престол нового Повелителя двух морей. Название ворот сказочное... из страшной сказки.

Известно, государственный совет в Османской империи имел название предмета мебели – дивана. Красивая квадратная комната, где заседал Диван, оборудована (помимо, конечно, диванов вдоль стен) зарешеченным окошечком. Окошечко – гениальная придумка одного из султанов, который смертельно тосковал, сидя в Диване на диване и слушая потоки неспешных цветистых речений, но понимал при этом, что оставлять без присмотра своё политбюро смертельно опасно. Придумал окошечко – Око султана, – к которому, оставаясь невидимым для вельмож, мог подойти в любой момент. И вельможи никогда не знали, слышит, видит их султан или нет.

Сокровища.

О сокровищах дети, которые – не во дворцах, узнают из сказок. В сказках сокровища живут в сундуках – сокрыты от глаз, от рук. Сундуки хранят в спец помещениях под охраной надёжного засова или солдата. Повзрослев, узнаём, что сокровища нынче не в сундуках, а в музейных витринах, на ювелирных прилавках и в сейфах Гохрана. Некоторые сокровища цокают по асфальту в мини-юбочках или элегантно выплывают из «Мерседеса».

Павильон сокровищ не произвёл на Поэта сильного впечатления. На меня, признаюсь, тоже. А, ведь, в нём, если верить путеводителю, представлено самое большое в мире собрание этих самых... *сокровищ*. В этом абзаце уместно, возможно, поразмышлять о *сокровищах, реликвиях*, то есть – *что есть что?* Тем более в Топкапы они соседствовали почти вперемежку. Но каждый примечает своё. Поэт запомнил зуб и волосы с головы Пророка, мечи, кинжалы, но потрясением для него оказался отлитый в бронзе отпечаток стопы Пророка, точнее – его размер: «Минимум сорок восьмой размер обуви». И тут Поэт содрогнулся: Иети! А вот я даже не заметил экспонат. Бывает. Зато получил своё изумление: посох Моисея. Это была тонкая ветка. Быть может, потолще тонкой ветки, но – ветка. То есть, никак не палка, годная для опирания или удара по спине. Этот посох останется для меня загадкой, думаю, на всю оставшуюся жизнь. Наподобие одной из прочих индивидуальных моих загадок, как общий вид и устройство японской пишущей машинки. Но в чём абсолютно уверен: ветка в сокровищнице Топкапы – истинный посох Моисея. Была бы подделка, ну и отломали бы под посох подобающую палку.

16. Снова о гареме

Гаремы в Центральной Азии – Бухара, Хива... – за прямоугольной в плане стеной прямоугольный двор, слева четыре помещения с четырьмя айванами для четырёх жён, справа – жильё наложниц. Среднеазиатский гарем – прост и понятен, как молодая номенклатурная система.

Гарем в Топкапы.

Перешагнув порог скромного входного проёма и двинувшись маршрутом узких коридоров, по многим, трудно фиксируемым приметам, родилось во мне ощущение, что оказался в комплексе, схожим даже не с городским, а с государственным образованием, подобие города-полиса, с сюрреалистической (то есть, здравым смыслом не познаваемой) планировкой.

Страницами выше записал, что камни сами по себе ничего не сотворят. И сейчас подтверждаю. Но камни – скажут. Того точнее – нашепчут. Не стану хвастать, что доступен мне их голос, доступен язык камней. Но были случаи и такие места, когда удавалось слышать их шепот. Вот и в этом гареме. Народу – никого. Тишина. И только шепот. Шепот многих. Тихий, тихий гул. Покои, закутки, глухие каменные дворы, роскошные залы, самая крохотная комнатка или тёмный извилистый коридор, каждый переход и каждая лестница – они хранят... нет, не тайну, не какую-либо одну тайну, тайны здесь многослойны – это тайны слёз, любви, ревности, крови... и, слушая шепот камней в их попытке поведать тебе – глухой тетери – *нечто*, твоя кожа при этом почему-то покрывается мурашками.

И ещё в начале моих перемещений по гарему родилась догадка, того точнее – предположение, что Тайны, жившие в этом гареме, отражались так же и

в планировочной структуре трёхсот помещений и этой же структурой так же... и порождались. Как получилось потом узнать, функция гарема и в самом деле была значима, и в самом деле он являлся неким государством в государстве, со сложной иерархией, где местным правителем был вовсе не султан, и не старшая жена, и не первая любовница, а – *Валиде Султан*, мать султана, «валидол султана» – для запоминания придумал я. Власть общей для всех Мамы была непререкаемой и распространялась не только на гарем, но временами и на всю империю. – Но дело, тут думаю, не в историческом моменте, а в характере очередной «валидол султанши».

17. Школа русского языка. Продолжение

...Потрёпанное паспарту, которое сунул мне под нос «человек-половой-боксёр-легковес-официант» прояснило главное: я в западне у турецкой банды. До «корочек», как уже писал, не дотронулся. Попытка сконструировать поведение, чтобы как-то вырваться.

Все варианты выглядели «нулевыми». Расскандальиться – пожалуйста, но вырваться мне бы не дали. Их бизнес предусматривал подобные чудачества, и приёмы жёсткого успокаивания были, конечно же, отрететированы.

Единственное, за что мог ухватиться утопающий из Санкт-Петербурга, это соломинка под названием *разговор*. Главное, было с кем. Начал с истории. Дескать, ты – пригласил, я – твой гость, а этого (на двух коротконогих, но аппетитных девах) – этого ничего мне не надо. Я этого не просил. Не заказывал. Шампанское тоже не заказывал. И где же твоя русская жена? Значит, ты меня обманул.

Во время такого разговора, «подсевшая ко мне» время не теряла и притрагивалась ко мне бархатной ручкой, улыбалась, и что-то спрашивала, и что-то на своём англо-турецком-сербском предлагала, и как будто весьма что-то очень недурное. Мой разговор «ресторатору» показался занудным, да и русский язык его внезапно ухудшился. И он высказался в том смысле, что я вовсе никакой не гость (что и сам я уже понимал), и что платить придётся.

Не имея ничего существеннее того, что уже сказал, принялся за проработанное. Повторно озвучил озвученное. Это дало результат. Появилось ещё одно действующее лицо.

В кинотрилогии «Крёстный отец» есть персонаж – мафиози по имени Солоццо, который чего-то добивался от Карлионе-старшего, а не получив желаемого, постарался его убить, но не убил, а вот его самого младший Карлионе – Майкл Карлионе – застрелил двумя выстрелами в полутёмном кафе-подвальчике, качеством не лучшим того, в котором сидел я, застрелив за тем и полицейского охранника.

Так вот, застреленный Майклом г-н Солоццо (кстати говоря, этнический турок) как две капли воды был похож на появившееся в нашей сцене ещё одно действующее лицо – хозяина, истинного хозяина заведения и тоже (а это уже без всякого удивления) этнического турка. Но вот что всё-таки удивительно, прилично болтавшего по русской фене.

Ему сообщили, что клиент отказывается платить.

Г-н «Солоццо» поднял брови над своими большими масляными глазами и сказал: «Почему-у-у?» – в полном изумлении, протянув последнюю гласную.

Девочек тут же сдуло, г-н «Солоццо», с незлым, почти добрым лицом подсел ко мне и своими масляными глазами внимательно смотрит, видимо ему искренне было не понятно, почему русский мужчина платить не хочет?

Якобы искренне доверившись его интересу, я принялся рассказывать «от печки», от момента знакомства с его подельником. Но турок был всё же человеком деловым, приёмы завлечения клиентов-идиотов были ему известны, так что, не мешкая, он перевёл стрелку на то, что платить как никак надо. На такси меня везли, пиво подали, девочки шампанское пили, и даже то внимание, которое они оказали, стоит денег, потому что это их работа. Тут я и узнал, что с меня требуют 1500 лир. Дальнейший разговор некоторое время проходил в жанре восточного базара. А восточный базар предполагает торг и взаимные уступки. Мой первый знакомец – фиктивный ресторатор – хотя и сидел в раслабе, отдав инициативу шефу, но вдруг встрепенулся и сообщил, что готов великодушно взять на себя половину расходов, и что мне только всего и останется заплатить 750 лир. В восторге от своей щедрости вскинул руки и во всю свою пасть улыбнулся.

Я сказал: «Нет».

Доброе лицо г-на «Солоццо» стало печальным. Он укоризненно покачал головой.

Он не стал спрашивать, имею ли я деньги? Грамотно выстроив конфликт, спросил напрямую, сколько их у меня?

Денег с собой было не много, не мало, но то была вся моя оставшаяся наличность, и, как ни странно, по сумме лир и евро в том изобилии, которую от меня и потребовали, то есть – около семисот пятидесяти евриков.

Шиш, я ему ответил.

И на этом восточный базар кончился, начался другой жанр, название которому каждый читатель придумает сам.

Со словами «Ну-ка, дай, посмотрю» масленоглазый потянул руку к моему карману.

Началась полусиловая борьба за мой кошелёк. Полусиловая – потому что нападающая сторона разбоя в прямой форме пыталась избежать, надеясь застрашать клиента, с тем, чтобы он сам предъявил требуемое. Приятный турок в хорошем костюме со свежей сорочкой и в галстукке, и с мифической русской женой, уступил место справа от меня половому-боксёру-легковесу-официанту, а сам, даже не пожелав мне приятно оставаться, смылся. Ну а слева я был зажат масленистоглазым г-ном «Солоццо» – хозяином заведения. Силы были неравные. Имелась лишь хилая надежда перевести всё опять в жанр восточного базара.

Поэтому, когда я говорил: «Я сам», меня отпускали. У меня появлялось время и для увещевания, и для требования позвать полицию – дескать, пускай она разберётся, и на всякое другое нелепо-канительное, что быстро утомляло собеседников, и их лапы опять уверенно пытались залезть в мой карман за кошелём.

18. ПОКРОВ

В своём известном очерке, в самом его начале, Поэт признался, что его желание попасть в Стамбул «никогда не было желанием подлинным». Поспешно тут же сообщил, что и «подсознательным стремлением это тоже не назовёшь». И стал перечислять причины такого желания, сам же и аттестуя их или как легкомысленные, или второ-третьестепенные. И всё же одну из них назвал

«главной», хотя она и представляла собой, в его же аттестации, верхом надуманности. Отчасти эта причина мною уже процитирована. – Это про догадку Поэта, что привидевшийся Константину крест, был крестом не христианским, а градостроительным, повлекшим Константина на Восток, с последующим учреждением им Второго Рима. Так вот, за возникшей такой догадкой возникло у Поэта и желание: после 32 лет жизни в Третьем Риме, взглянуть на Рим Второй.

Предыдущий абзац мне понадобился, чтобы облегчить собственное признание в неотчётливой мотивации моего путешествия. Не так, что ничего не мог бы промямлить, но и сколь-сколь достойного в обосновании не имел – это точно. И если сейчас скажу, что интерес к приметам духовной и культурной преемственности (Рим Второй – Рим Третий) и был главным поводом, то очевидно мне это стало лишь по возвращении. То есть, при сборах в путешествие оно пребывало в подкорке моего не структурированного сознания. И лишь одна тема, по-настоящему интересовавшая, и могла быть названа: влияние Византии на русскую храмовую архитектуру – но именно она не наполнилась в путешествии фактами-артефактами, то есть никаких «маковок» в Стамбуле я не увидел, и откуда на Руси «маковки»? – как не знал, так и не знаю. – Конечно, таким признанием добровольно подставляю себя под порку, любой дока укажет на источники, где мой «интерес» прописан и расписан, и стоило не поленился и сходить в «Публичку», так и в Стамбул незачем было бы летать.

Итак, тема преемственности.

Что объединяет Русь православную и Византию (в нынешнем понимании православную Европу и весь остальной православный мир)? Можно назвать и текст Символа Веры, и каноны, иконографию, и четыре жердины православного креста, и почти обязательное расположение храмов с ориентацией Престола на Восток, церковный календарь, и состав и содержание церковных служб... вобщем-то, много-много чего.

Но неожиданно самым интересным для меня оказались не свидетельства преемственности, а одно прелюбопытное отличие.

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы.

Само чудо случилось в 910 году, в пору ещё языческой Руси. Тогда Византия вела войну с сарацинами, и Константинополь был в большой опасности. А произошло всё в роскошном Влахернском храме Девы Марии, хранившим мафорий – накидку с головы Богородицы. От этого храма сейчас лишь камни, да святой источник под кровом маленькой церкви.

Так вот.

Воскресный день, 1 октября 910 года. Всенощное бдение. Влахернский храм переполнен молящимися. Первым Богоматерь увидел юродивый Андрей – славянин, в молодости попавший в плен и проданный в Константинополе в рабство местному жителю. О чуде осталось такое свидетельство:

«В четвёртом часу ночи, подняв глаза к небу, Андрей увидел идущую по воздуху Пресвятую Богородицу, озарённую небесным светом и окружённую ангелами и сонмом святых. Андрей спросил своего ученика Епифания: «Видишь ли, брате?». «Вижу, святой отче, и ужасаюсь», – отвечал ему Епифаний. Богоматерь молилась в храме на долгий час. По окончании молитвы, сняла с Себя блиставшее покрывало, которое носила на Пречистой главе Своей и распростерла

над всем стоящим народом. Чудные сии мужи довольно время смотрели на сие распростёртое над народом покрывало; и доколе была там Пресвятая Богородица, видимо было и покрывало. По отшествии же Её, сделалось и оно невидимо. Видение прославлено было сперва молящимися в храме, потом во всем Константинополе. Жители города исполнились упования, что Бог по молитвам Заступницы избавит их от сарацин. Действительно, вскоре сарацины были побеждены и прогнаны».

Во Влахернской церкви сохранилась память о дивном явлении Богоматери, но статус Великого праздника оно обрело только в русском православии, а греки это событие не отмечают.

Могу предложить такое объяснение.

В Византии, в созданной по Промыслу христианской империи, жившие в ней люди вели себя частенько очень плохо. И лишь благодаря постоянному небесному заступничеству Богоматери, империя и её столичный град спасались от заслуженных воздаяний, в том числе от врагов. Поэтому-то и смогла империя вытянуть положенный ей тысячелетний срок. Поэтому, говорят греки, таких Покровов в истории Византии было множество, Византия постоянно жила с риском гибели, и постоянно были знамения милости, которые были связаны или с храмом, или с иконой, или с видением. То есть, говорят греки, если нам праздновать все такие события, то круглый год можно из "покровов" не вылезать.

Но от чуда, явленного византийцам, вязь событий чудесным, в свой черёд, образом протянулась в Россию.

Первым увидевшим Богородицу славянин Андрей – Христа ради юродивый, был впоследствии канонизирован греками, а русский благоверный князь Андрей Боголюбский, который считал Андрея Юродивого своим небесным покровителем, в 1164 году именно 1 октября одержал победу над волжской Булгарией. Князю Боголюбскому получилось тогда почувствовать, распознать в совпадении календарных дат мистическую связь этой победы с Влахернским чудом. В «Слове об установлении праздника Покрова» князь Андрей записал:

«Се убо егда слышах, помышлях: како страшное и милосердное видение бысть без празднества. Восхотех, да не без праздника останется святой Покров Твой, Преблагая».

И уже на следующий год вблизи Владимира возникло отечественное а р х и т е к т у р н о е чудо – храм Покрова на Нерли.

Так старанием князя Андрея учредилось на Руси празднование «Покрова», как благодарение Христу и Его Пречистой Матери не за что-то конкретно-историческое, а за все вместе взятые спасительные для христианской государственности события.

Но для многих моих современников (да, пожалуй, и для меня) отношение к этой победоносной захватнической войне боголюбивого князя представляет определённую сложность.

Ещё Иосиф Сталин размежевал войны на «справедливые – оборонительные» и «захватнические – несправедливые», ничего принципиально нового при этом не придумав, а так – в своих стальных формулировках переписал основные положения «гуманитарного права», ни мало не беспокоясь, что

собственные же установки смогут при случае стеснить его же собственную политику.

До возникновения основ гуманитарного права, признающих справедливыми лишь войны оборонительные, военная агрессия считалась допустимой, если освящалась религиозными ценностями. Наши школьные учителя без труда вызывали в наших душах ленивый гнев на участников крестовых походов, на исламский мир за его правоверную экспансию, но с существенно меньшим пылом предлагали нам относиться к насильственной христианизации племён и народов внутри границ нашего CeCeCePe. А вот рассказы о весёлом скидывании статуи Перуна и насильственной христианизации самих русичей мы уже слушали с полным *одобрямсом* к действиям князя Владимира, потому что нам сказали, что христианство на тот период было более прогрессивным и для дела государственного строительства более полезным, чем язычество, а потом пришли Маркс и Ленин и дали людям уже абсолютно самое-самое прогрессивное, из того, что можно придумать – материализм.

Так вот, вслед за богословием и в советской исторической науке сложилось одобрительное отношение к насильственному миссионерству.

Богословы, правда, прочерчивают в материалах истории некий водораздел. По их установлениям, миссионерская оккупация не должна опустошать земли и причинять прочий вред побеждённым народам, чего и не делал в войне с волжскими "булгарами" Андрей Боголюбский, за что его и славят. А вот покорение собственно болгар византийским императором Василием Болгаробойцем Церковь за крестовый поход не признаёт, потому что уж очень этот Василий наобижал мирное население. Относительно боголюбивого князя, следует сказать, что в своей политике он мало отличался от прочих «удельных», которые со спортивным азартом захватывали и разоряли соседние княжества, примучивали безвинное население. Правда, было в жизни князя ещё нечто примечательное с неясным сюжетным окончанием.

Двинулся как-то князь Андрей на Новгород. Зачем? – Захватить, да пограбить, вот «зачем». Сил имел превелико, и новгородцам оставалось уповать лишь на Бога. Что и делали. Дни и ночи молились. А ещё вынесли на городскую стену икону Богородицы. А когда икону переносили, враги пустили в крестный ход тучу стрел, и одна из них вонзилась в иконописный лик Богородицы. И существуют два сюжетных окончания истории.

По одной сказке, из глаз Богородицы истекли слезы, и икона повернулась ликом к городу. При виде такого Знаменья на врагов (то есть, на славных суздальцев со товарищами) напал неизъяснимый ужас, они стали побивать друг друга, а ободренные новгородцы устремились в бой и победили.

По другой сказке, со всей очевидностью нацеленной на обособления князя от прочей Рюриковской братии, как князя боголюбивого, из иконы полилась кровь, но ужас напал не на войско, а только на боголюбивого князя, который при виде Знаменья содрогнулся и немедленно снял осаду.

Конечно, сам факт чудесного заступничества иконописного лика Богородицы всякому сомнению не даёт и малого основания в связи с прелюдностью чуда и закрепления его в исторических материалах. Архиепископ Илия тогда же установил праздник в честь Знаменья Божией Матери, который и доньше празднует Русская Церковь. А в 1356 году для иконы был выстроен в

Новгороде храм Знамения Пресвятой Богородицы, ставший впоследствии собором Знаменского монастыря.

Тысячелетняя русская история вполне накопила подобных достоверных сказок заступничества чудотворных икон. Но есть одна из дня почти сегодняшнего. – Почти, потому что много ещё живых свидетелей той поры. И сказка замечательна тем, что... никем не оспаривается! Мне не встречались ни высказанные, ни напечатанные опровержения.

По свидетельству многих сослуживцев Иосифа Сталина «отец народов» после грандиозных катастроф советской армии в начале войны с немцами не очень-то и маскировал своё ощущение (или даже – понимание) предстоящего тотального краха, как и для созданной им государственной системы, так и для себя лично.

Но жизнь, как известно, полна неожиданностей.

И в один хмурый военный денёк этот наш главный на планете марксист получает письмо от какого-то зарубежного попа. И в письме зарубежный поп прописывает нашему гению, чего тому *треба* сделать, чтобы вытащить Россию из *просёра*, в котором она оказалась по причине его чрезвычайной гениальности.

А затем происходит совсем, казалось бы, невероятное. Самый главный на планете радикальный атеист, который своих попов или расстрелял, или в Гулаг упаковал, оставив на церковной службе совсем малую малость (для наружного предьявления), отдаёт распоряжение сделать всё по-написанному.

А ультиматум-то был вовсе не *слабый*.

Требовалось.

- Открыть во всей стране храмы, монастыри, духовные академии и семинарии.
- Из штрафбатов и тюрем вернуть священников к церковной службе.
- Чтобы спасти Ленинград от сдачи, чтобы враг не ступил на святую землю Санкт-Петербурга, вынести чудотворную икону Казанской Божией Матери и обнести её крестным ходом вокруг города.
- В Москве перед Казанскою иконою совершить молебн.
- Затем икона должна быть в Сталинграде, сдавать который врагу нельзя.
- Казанская икона должна идти с войсками до границ России.
- Когда война окончится, автор письма должен приехать в Россию и рассказать о том, как она была спасена.

Остаётся вспомнить, кто был автором письма.

Митрополит гор Ливанских Илия.

В преддверии его духовного подвига было обращение Патриарха Антиохийского Александра III о молитвенной и материальной помощи России. Митрополит Илия всегда знал, что значит Россия для мира, всегда молился о спасении страны Российской, о просветлении её народа. После обращения Патриарха, он решил... – это называется: молиться в затворе. Спустился в каменное подземелье с иконой Божией Матери и с лампадой. Пищи не вкушал, не

пил, не спал, только молился. По его свидетельству через трое суток бдения ему явилась в огненном столпе сама Божия Мать и объявила, что избран он, истинный молитвенник и друг России, для того, чтобы передать определение Божие для страны и народа Российского. И если всё, что определено, не будет выполнено, Россия погибнет.

Затем Божия Мать и передала ему то определение для России, которое и записал митрополит Илия, которое потом и прочёл Иосиф Сталин.

Сделано затем было следующее.

Из Владимирского собора вынесли Казанскую икону Божией Матери и обошли с ней крестным ходом по передовым позициям Ленинграда.

Заступничеством Божией матери спаслась и Москва. А, ведь, по свободному Волоколамскому шоссе ничто не мешало немцам в город войти. – Так же, впрочем, как и по Московскому (тогда – проспекту Сталина), весело распевая «Лили Марлен», прикатить из Пулково к Смольному.

Икона стояла среди наших войск на правом берегу Волги, и совсем маленький прибрежный пятачок немцы не смогли одолеть. А знаменитая Сталинградская битва началась с молебна перед иконой, и только после этого был дан сигнал к наступлению.

Мать городов русских с мужским именем – Киев – был-была освобождён-освобождена в день празднования Казанской иконы Божией матери

В стране открыли 20 000 Православных храмов, духовные семинарии, академии, власти вернули к монашеской жизни Троице-Сергиеву и Киево-Печёрскую Лавры и многие монастыри

Самое удивительное чудо произошло при штурме Кёнигсберга.

Когда наши войска уже выдохлись, а чаша успеха хотя и колебалась, но всё определённое предсказывала нам поражение, на передовых позициях появился командующий фронтом с большой офицерской свитой и со священниками. Далее, для той поры вполне нормально, со всех сторон посыпались шуточки, дескать, нам сейчас попы помогут. Командующий на шутников, как и положено командующему, цыкнул, приказал построиться, снять каски. Затем священники отслужили молебен, затем... затем... про такие чудеса говорят: чудо из чудес! Стрельба, которую вели в это время немцы, специалисты – то есть, солдаты-офицеры-генералы – называют «огненной стеной». Но священники вылезли на бруствер и во весь рост пошли с иконой вдоль окопов. И вдруг произошло невероятное: стрельба с немецкой стороны, как оборвалась. Немецкие пленные потом рассказывали, что в небе появилась Мадонна, она оказалась видна всей немецкой армии, и в этот момент у всех отказало оружие, абсолютно отказало – никто не мог сделать ни одного выстрела. Воцарилась тишина. Но – не надолго. Был дан сигнал и начался общий штурм любимого города Иммануила Канта, почётного члена Петербургской Академии Наук. – Интересно, поверил бы он этой сказке?

В 1947 году по личному приглашению Сталина митрополит Илия прибыл в Москву. От своих щедрот Сталин решил наградить митрополита Сталинской премией. «А чем наша церковь отблагодарит?» – спросил Сталин своего Патриарха – владыку Алексия. Святейший предложил подарить икону казанской

Божией Матери, крест и панагию, украшенные драгоценными камнями, добытыми по всей стране, чтобы вся Россия участвовала в подарке. «Здэлаем!» - сказал Сталин.

Принимая дары, митрополит Илия обещал, что икона будет находиться в алтаре кафедрального собора в Ливане, напоминая о России, а крест он положит на престол собора и сделает завещание, чтобы он там оставался всегда. А, вот, «Сталинская премия»... Мог ли митрополит принять премию, учреждённую в честь «кого-известно-кого»? А как нескандально увернуться? Увернулся. Деньги дал. 200 000 долларов. Напомню, тогда «зелёные» весили много больше. Сказал: «Для детей-сирот». Сказал, что он – монах, а монаху деньги не нужны. Сказал, что, дескать, пускай денежное наполнение «Сталинской премии» пойдёт на нужды вашей страны. В общем, можно сказать, откупился. Вероятно, Сталин его деликатный отказ понял и, славящийся своей деликатностью, на вручении медальки не настаивал.

19. Златые врата.

Наш вещий Олег был не только удачливым князем-воином, но и человеком, определённо, гордым, что для княжеской специализации нормально. – Трудно представить русско-нормандского н е г о р д о г о князя. Очаровавшая русичей – на многие века и по сей день – его театральная выходка с прибавлением щита к Златым вратам Царьграда заслонила, даже в исторической литературе, несколько странностей в летописных фиксациях его похода. Лично мне кажется невероятным численность его экспедиционного корпуса: 2000 кораблей по 40 воинов в каждой ладье, то есть 80 тысяч морских пехотинцев, а ещё было войско конное – чудь, кривичи, мери, поляне, северяне, древляне, радимичи, хорваты, дулебы и тиверцы... ну, это ладно, а, вот, 2 тысячи кораблей! Где же это была такая верфь на Днепре? Именно – на Днепре. Матушку-Волгу следует из предположения исключить, чтобы сказка не оказалась ещё сказочнее, потому что в реальные для олеговой экспедиции сроки 2 тысячи кораблей из Волги в Днепр не переволочь.

Бывшее некогда с л а в н ы м , спустя время частенько разочаровывает.

Златые врата Царьграда времён Вещего Олега – трёхарочный проход сквозь стены, все три арки – в мраморе, каждая закрывалась створками, обитыми латунью и сиявшими как золото. Справа и слева от арок – облицованные мрамором башни. Центральную арку венчала квадрига бронзовых слонов и статуя Феодосия. Слоны – известно что, Феодосий II – один из первых императоров Византии, прославился строительством новых городских стен и этих самых Золотых ворот, которые наш гордый князь использовал потом как выставочный стенд для своего щита.

Ныне всё выглядит так. Никакого мрамора и латуни, квадриг и прочих изваяний. Все три арки заложены камнем и кирпичом, в средне-триумфальной на какое-то время была оставлена арка высотой более скромной, для более скромных, вероятно, триумфов, но и её потом заложили, оставив дверной проём, ныне прикрытый чем-то таким: одностворчатым, дощатым, полумоманным, на одной петле.

На пространстве внутри крепости подле бывших Златых врат, победившие турки возвели башни и стены, то есть внутреннюю небольшую крепость. – Неизвестно для чего. В те годы никто на Стамбул не покушался. Но уж раз построили, стали использовать как кутузку и казначейство, затем как арсенал –

порохо-бомбохранилище, затем как зверинец, затем открыли музей. Показывать в этом музее абсолютно нечего, но плату за вход полусонный турок берёт исправно.

Ещё вот что.

На пыльном дворе у бывших Златых врат, построили площадку для рок-концертов. Я внимательно изучил истлевший помост и всякие приметы, сопутствующие всякому шоу-бизнесу, и стало для меня очевидным: концерт игрался не более одного раза, вероятно, - при открытии.

Да и кто поедет резвиться в такую пыльную от городского центра даль!

Взобрался на городскую стену.

Городская стена была последней защитой обречённого Царьграда. Это была «двухслойка», а в некоторых местах – «трёхслойка».

Для всякого производителя оружия на продажу история падения Царьграда – история поучительная. Беда лишь в том, что поучительные истории ничему не обучают. Никого и никогда. А вот плохие истории – обучают. И почему это так?

Венгерского оружейника звали Урбан. Вероятно, в своём деле он был таким же непревзойдённым мастером, как, к примеру, в скрипичном деле г-н Амати.

То, что бомбарда, которую изготовил венгр Урбан, в определённом смысле тоже звуковой инструмент и очень звучный – конечно, не главное. Главное, это то, что Урбан был способен создать инструмент, говоря словами Мехмеда II, «для прободения кожуры сгнившего плода». Но не всё так сразу.

Под стены Константинополя Мехмед II привёл 250 тысяч войска. Император Константин распорядился 7000 солдат. Маловато. Но тут появился венгр Урбан. Предстал перед Константином. Сделал предложение, от которого Константин хотя и не мог отказаться, но на нашей планете со времён Каина всё стоит денег. Сам василевс запрашиваемых денег не имел, а «лучшие люди» города затеяли с Урбаном в византийских традициях коварную интригу: составили договор о намерениях, и даже заплатили смешной аванс, год мастера муржили, нет-нет подкидывая смешные деньжата, Урбану это всё надоело, прозондировал настроение турков, имея уже в своём активе знание городских укреплений, и как только получил одобрение султана, то сразу послал скупердяев-ромеев куда подальше.

А потом так.

За сотворённое бля-блү... блудство Мехмед щедро наградил Урбана. Правильно. Всякая пакость должна хорошо вознаграждаться. И Урбан принялся за работу. Усовершенствовал процесс отливки, подобрал подходящий сплав меди с оловом и представил заказчику гигантскую бомбарду, состоящую из двух свинчивающихся частей. Султан восхитился. Он тут же поставил пушку над Босфором и для пробы одним выстрелом утопил венецианский корабль. Затем заказал Урбану ещё более крутую пушку. В январе 1453 года она была готова. Ствол 8 метров, калибр 75 сантиметров, ядро – 700 килограмм. 12 апреля этот монстр и другие пушки Урбана (всего у султана было около 70 орудий разного калибра) начали равнять с землёй стены заносчивого Константинополя, обречённого многими своими пороками, в том числе жадностью (всего одному оружейнику не хотели заплатить достойно). До исторического дня, когда Царьград был окончательно раздавлен, оставалось совсем немного...

Перед началом решающего штурма Мехмед II украсил свою биографию рыцарским жестом: предложил Константину с его солдатами покинуть город, за это обещал город не трогать, не разрушать, не сжигать. Последний император был

тоже рыцарем: послал турка с его предложением куда-то очень далеко. 29 мая 1453 года Царьград пал, прекрасный рыцарь Константин погиб в бою.

А что же «лучшие люди» Константинополя? А им пришлось предстать перед молодым султаном и ответить на один единственный вопрос: почему не дали Константину денег на бомбарду? Эта человеческая срань, униженно лапаясь к новому хозяину, принялась беззастенчиво врать, что сохраняла монеты в подарок новому повелителю. Тогда Мехмед II совершил ещё один, в моём понимании, красивый поступок: приказал всем этим «лучшим людям» бывшего Константинополя отрубить головы.

А что же оружейник Урбан? Через несколько десятков лет его орудия помогли туркам завоевать его любимую Венгрию, и по сей день не только венгры, но и все европейские народы плюют в этого искусного мастера словом «**р е н е г а т**».

Но, ещё раз повторюсь, кого такая история чему-то научит?

А сквозь Золотые Ворота следовало все же пройти. Хотя бы для персональной истории. Отодвинул дощатое полотнище и вышел за пределы Царьграда. Пыльная дорога, пыльные придорожные постройки. И вот какая задача в моей голове тогда состроилась...

То, что венецианцы ограбили Византию, – факт широко известный. Имеются специалисты, которые точно скажут, сколько чего было вывезено. На византийских деньгах поднялась католическая Европа. Европейские музеи ломятся от византийских сокровищ. А вот не случись такого, не перекочевали бы византийские ценности к европейцам, оказались бы они в сундуках Мехмеда II Фатиха, и Великая Porta тогда стала бы ещё более могучей и что тогда?.. И не повторить ли уже ранее в этом тексте произнесённое: «Нет худа без добра»? А и впрямь, хотя сослагательного наклонения история никогда знать не будет, но вопросыки, подобные «и что тогда?», как-то всё-таки к тайне Промысла – такое ощущение возникает! – подвигают...

А ещё я имел в планах прилепить к Златым вратам свою визитную карточку – то есть, собезьянничать. Визитной карточки не оказалось. – Хорошо. Избежал птичьего греха. Опять отодвинул дощатое полотнище и вернулся в пространство Царьграда.

20. Школа русского языка. Окончание

Поздно – не поздно, а понять противника надо.

Вероятнее всего, мой «Солоццо» ещё недавно занимался оптом с русскими челноками – от них язык. Скопил деньжата на дешёвенькую кафешку. Приработком стали идиоты-туристы, которых поставляла агентура. Не будучи отпетым злодеем моему «Солоццо» приходилось «раздевать» их с помощью «полового-боксёра-легковеса-официанта». Работа не из приятных, но бизнес – есть бизнес. Разобравшись как-то в этом, я решил, что единственный мой шанс – это неполное злодейство маслеглазого «Солоццо», то есть остаток того, что называется совестью, то есть, что ничего личного ко мне у него нет, а просто, бизнес (повторим это снова) есть бизнес, и что в его маслянистых глазах я даже уловил какое-то к себе сочувствие, которому он никак не мог позволить развиваться, потому что (опять повторим) бизнес есть бизнес.

Стратегия, которую я составил, заключала интенсивное и искреннее рассказывание ему – г-ну «Солоццо» – о том, какой он хороший. Сыграли навыки застольного говорения любезностей неизвестным тебе, и, что всегда особо сложно, отвратительным людям. В ход пошли «приятные черты лица», «доброе лицо», «умные глаза», «очевидность достойного образования, вероятно – гуманитарного», «бархатный тембр голоса», «облик интеллигентного человека», «изысканная выделка манер»... Ограниченное число пришедшего на ум я восполнил повторениями, так что, речение моё было продолжительным и воспринималось с серьёзным вниманием и, я чувствовал, внутренним согласием, и беспокоило меня лишь отсутствие навыков восточного славословия, которые сейчас пришлось бы кстати.

Кончилось тем, что г-н «Соллоццо» сказал: «Давай посмотрим твой кошелёк» – сказал, потянул к моему карману свою лапу.

Начался новый этап борьбы – уже не «полусиловой», а по-настоящему силовой. Зажав рукой кошелёк в кармане, как мог сопротивлялся вытаскиванию этой руки из кармана, но сила четырёх рук, решительно принявших за меня, свою задачу решила быстро. Кошелёк оказался в руках г-на «Солоццо» и был раскрыт. И тогда я сменил тему на ещё менее перспективную.

Я стал спрашивать, не стыдно ли ему? – Якобы, забыв о том, что бизнес – есть бизнес. Напомнил, что он не простой разбойник, а содержит заведение, и что совершать такой разбой в своём заведении не может быть не опасным. Я стал говорить, что у него есть жена и дети, и что перед ними ему должно быть стыдно вести себя как простой разбойник. Заодно рассказал и о себе, что я не простой турист-бездельник-богачей, которого может быть в стамбульской традиции следует трясти и трясти. – Какая же я всё-таки шлюха! Что я бедный литератор, который приехал посмотреть «твой Стамбул», и что деньги, которые у него в руках – это все мои деньги, и мне ещё надо вернуться на них домой, и что без них я никуда не поеду и буду жить в его заведении, спать на этом диване, и что полицию ему придётся в результате вызвать.

А г-н «Солоццо» как будто слушал меня и не слушал. Он считал мои деньги, и что-то ему не нравилось.

Потом для меня стало ясно, что ему в моём кошельке не нравилось. Ему не нравилось, что все деньги были, в основном, европейскими. Турецких лир было очень немного.

Кончилось всё быстро.

Г-н «Солоццо» вытащил из кошелька 150 лир, не все, надо сказать лиры вытащил, захлопнул кошелёк, протянул его мне и выпустил меня вон.

Некоторое время, поражённый финалом, я топтался на улице у ступенек его кафешки, пытаюсь сообразить, что же произошло на самом деле. Дотоптался. Появился г-н «Солоццо» и протянул мне ещё 60 лир. Похлопал по плечу. Ушёл. Я огляделся. Были густые сумерки. На ступеньках у домов сидели пожилые турки, смотрели на меня, то ли желая разобраться, то ли всё хорошо понимая. Появилось такси. Я назвал адрес. Путешествие на такси стоило мне ещё двадцать лир. Итого – 110. То есть 55 Евро. То есть, экзотическое приключение в Стамбуле обошлось мне в 55 Евро. Всего. Мои друзья тоже потом со мной соглашались: очень недорого.

21. Минздрав предупреждает...

...если курить не брошу, не бывать мне на Святом Афоне. Правда, один знакомый грек сказал: «Да ну-у...» – сказал, что территория монашеской республики огромная и найти укромное местечко всегда можно. Грек не знал, что я выкуриваю минимум тридцать сигарет в день, то есть каждые полчаса засовываю в ротовое отверстие новую сигарету.

Один из двадцати афонских монастырей – русский, Свято-Пантелеймоновский. В Москве и Стамбуле имеет подворья. В Стамбуле – это шестиэтажное здание 19 века, фасад – с кокетливым намеком на модерн, а внутренняя полукруглая мраморная лестница с чугунными перилами – это и вовсе модерн. Сказать следует, что фасады типовых стамбульских домов очень узкие: на два – три, максимум четыре окна. Догадаться можно: первые этажи в центре города заняты исключительно лавками, поэтому ширина дома облагалась, вероятно, особым и весьма немалым налогом. Но такому земельному правилу стамбульские улицы и городские пейзажи обязаны разнообразием и приятной живостью.

А вот у района Галата (в нём подворье Пантелеймоновского монастыря и отель Пера Палас, в котором жил Поэт) лицо почти европейское. Когда-то это была генуэзская колония, самоуправляемая. А после завоевания Константинополя султан Мехмед II гарантировал жителям Галаты, выступившим в кровавой драме в роли зрителей, не только безопасность, но и дал им право сохранить и церкви, и определённую долю самоуправления. После этого в районе Галаты начали селиться предприимчивые подданные султана немусульманского вероисповедания – греки, армяне и евреи, называвшие себя левантийцами (франц. Levant - восток) и занимавшиеся торговлей, финансовыми операциями, а также державшие питейные заведения. Здесь же стали останавливаться коммерсанты и предприниматели европейских торговых домов – генуэзцы, венецианцы, французы и голландцы.

Европейские ветры сделали из «города неверных» единственный стамбульский район, неотличимый от столиц Старого Света и одновременно абсолютно непохожим на Старый город, сползавший как лава с холмов другого берега Золотого Рога. Тут появились и первые вымощенные клинкером мостовые, и канализация, и водопровод, и электрическое освещение, и конка, а позже и трамвай и даже подземный фуникулёр, подобный лондонскому метро. К концу XIX в. местные жители хвастливо звали свой район «Парижем Востока».

С настоятелем стамбульского подворья – отцом Тимофеем – сговорился заранее, точнее – созвонился. Позвонил, представился, заручился обещанием меня принять – дать кров, предоставить тьюфячок. Отправляясь в паломничество, я уже знал, что на шестом этаже подворья – крошечная домовая церковь с чудотворным образом Богородицы Владимирской, на пятом – службы, а мне придётся жить на этаже третьем или четвёртом.

Отец Тимофей оказался высоким дородным мужчиной, с лицом одутловатым и заспанным. Четыре часа по полудню, жаркая осень, сиеста.

Раскланялись, пожали руки, присели.

Тут для меня стало очевидно, что ни о какой договорённости отец Тимофей не помнит (или это со сна вспомнить не мог), и я принялся снова рассказывать о себе.

Среди двух-трёх пустячных просьб, которыми собирался огрузить настоятеля, была одна очень для меня важная, и читатель о ней, думаю, уже

догадался. Жить предстояло на четвёртом этаже, и бегать каждые пятнадцать минут на улицу с очередной сигареткой... Нельзя ли дымить в окошко? Радужное разрешение дымить в окно с искренним пониманием настоятеля моей жизненной сложности я получил. Заодно получил на время жительство в Стамбуле «сим-карту» для «мобильника». Заодно получил фумигатор с таблетками от комаров. Заодно получил ключи от моего номера с тьюфячком, тьюфячок явил собой четырёхспальную кровать, в молодёжной среде именуемую сексодромом. Заодно получил приглашение к вечерней трапезе. Заодно получил два ключа: один от сортира, второй – от душевой. Большая часть жилой площади *шестиэтажника* сдавалась туркам, и хотя мусульмане славятся чистоплотностью, гигиенические помещения были размежеваны.

О том, что монастырская еда – вкусная, знают все. Точнее, одни – знают, знают по опыту, другие, которым «не доводилось» – верят. В Бога могут не верить, а в то, что монастырская еда – всегда вкусная, верят. Загадка!

Я специально выпросил рецепт вкуснейшего супчика. Всё очень простенько: картошечка, вермишелька, обжаренная на сковородке морковочка... Вода, правда, из какого-то святого источника. И перед началом стряпни, конечно же, молитва читается...

Все трудовые тяготы на подворье за трудницами. Простые русские женщины. Они где-то и работают – на жизнь зарабатывают, где-то у них и жильё своё, но, видимо, все незамужние, и работа на подворье, и общение с себе подобными, и молитва, и служение в храме – свечниками, или за церковным прилавком, или в хоре на клиросе – это вся их жизнь. Не смел никого ни о чём расспрашивать, но понимание того, что ничего другого более главного в их жизни нет, такое понимание возникло само собой.

О том, что в церкви всё делается по благословию иерарха, люди не воцерковлённые могут не знать. А это – так. То есть, всякая просьба, всякое получение разрешения на что-то обставляется как просьба о благословении на какое-то дело, даже если само дело совершенно пустяшное: открыть окно, закрыть окно...

Но службы в православных храмах, при общей канонической цельности, многовариантны в частности. И свои внутренние распорядки, и всякие строгости и нестрогости, и даже составы некоторых служб, и свои распевы, и много чего своего в каждом храме, в каждом приходе.

Так вот, в общинном заведении стамбульского подворья меня поразила каноническая непреложность общения с настоятелем. Пятый этаж, как я говорил, был отдан службам: и кухня, и кладовки, и трапезная... а в одной комнате жил настоятель. И в первые же часы моего пребывания на подворье я стал свидетелем такой сцены. Трудница, имея какой-то вопрос к отцу Тимофею, деликатно постучала (раз, два) в его дверь и негромко произнесла: «Благослови, батюшка!» То есть, деликатный её стук в дверь обозначил её потребность войти, а словами она испросила на то благословение.

То, что этот очерк даже ни в малой мере не претендует на подобие путеводителю, упоминать (упоминать тем более под занавес) совершенно излишне. И всё же зудит во мне нечто вроде вины... не перед читателем, а перед городом. Текст, посвящённый Царьград-Стамбул-Константинополю с упомянутыми в нём всего двумя-тремя туристическими объектами, бессовестно обкрадывает и сам роскошный град, и вмещаемые им памятные приметы христианского мира и его святыни. Но что же делать?

А вот что!..

Зовите женщину!

Елена Тарасова.

Регент хора Свято-Пантелеймоновского подворья.

Молодая.

Красивая.

Прекрасно образованная.

Благодаря ей, я увидел Стамбул в той полноте, которую ни пухлый путеводитель, ни профессиональный гид раскрыть не смогли бы.

И мозаики, и фрески – шедевры церкви Христа Спасителя в Хоре. И комплекс построек в районе Влахерны с действующим святым источником. И самую большую мечеть Стамбула Суллеймание. И резиденцию Вселенского патриарха, её скромной красотой и опрятностью можно любоваться, при этом сострадав самому Владыке, статус которого не признают не только турецкие власти, относя патриархат исключительно к турецким институтам, но с недавних скандально-перестроечных пор, и сама «Русская православная», что в понимании рядового прихожанина – суть игры политические и недостойные. И сказочно красивые острова в Мраморном море с названием как из сказки: Принцессы острова, и заселённые ныне сказочно богатыми турками, и, как подобает сказочным островам, не знающие в 21 веке автомобиля, так что поездка на гору к действующему мужскому монастырю с богословской школой тоже получилась сказочной – в фаэтоне. Кому из нынешних обладателей «мерсов» довелось ехать в фаэтоне по утрамбованной дороге одного из Принцевых островов?

Нет. Пора завершать бессмысленное перечисление. Я брался писать не о том

Сейчас придёт ко мне отец Тимофей, я передам ему его «сим-карту», подарю одну из моих книг (в которой побольше рисунков и поменьше текста), и мы попрощаемся. И завтра утром я уеду из Стамбула. Жаль, не пришлось с ним выпить и поболтать.

Пришёл отец Тимофей. Я передал ему его «сим-карту», подарил книгу, за всё поблагодарил и он ушёл.

И когда он ушёл, я почувствовал, что ему очень хотелось со мной выпить.

Это гнетёт меня до сих пор. Надо же! Человек выпить с тобой хотел, и, главное, у тебя б ы л о , а ты, идиот, человека не понял.

Я собрал в полиэтиленовый мешок весь свой мусор, пустые бутылки, спустился с четвёртого этажа, вышел из подворья, дошёл до указанного мне перекрёстка и там бросил этот мешок... просто так, на плиты тротуара. Там уже валялись мешки с мусором – просто так, на пересечении двух улиц этого «Парижа Востока».

Минздрав предупреждает: «УБИРАЙТЕ ЗА СОБОЙ»

Gefördert durch:

Der Beauftragte der Bundesregierung
für Kultur und Medien

aufgrund eines Beschlusses
des Deutschen Bundestages

Die Tolstoi-Bibliothek ist auf Spenden angewiesen.
Bitte unterstützen Sie uns durch eine steuerlich
abzugsfähige Spende auf unser Konto:

Толстовская библиотека нуждается в пожертвованиях.
Все пожертвования списываются с налогов:

Nr. 78 24 302 (BLZ 700 205 00)
Bank für Sozialwirtschaft, München
Tolstoi Hilfs- und Kulturwerk, e.V.